

Выдавец:

ГА «Беларуская асацыяцыя
журналістаў»
Перыядычнасць 1 раз у месяц
Выдаецца са снежня 2000 г.
NN 35–36

Галоўны рэдактар
Уладзімір Дзюба
Намеснік галоўнага рэдактара
Юрый Тапарашаў

Дызайн, вёрстка
Цімафей Нявінскі, Юлія Андрэева
Малюнкі
Уладзімір Чуглазаў, Алег Карповіч
Фота

Уладзімір Дзюба, Павел Курза,
Максім Дзядзінкін,
Уладзімір Шлапак,
IREX/ProMedia

Выданне зарэгістравана
ў Дзяржаўным камітэце
Рэспублікі Беларусь па друку,
рэгістрацыйны N 1553
ад 12.12.2000 г.

Падпісана да друку 23.09.2003 г.
Дата выхаду 30.09.2003 г.
Фармат 60x80/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк. 7,4.
Наклад 800 асобнікаў. Заказ N 559.
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
пл. Свабоды, 17-304.
Тэл./факс: (017) 223-63-66,
226-70-98
e-mail: abajur@promedia.by,
baj@user.unibel.by
http://www.baj.unibel.by

Друкарня СП «МЕДЫСОНТ» ТАА
ЛП N 330 ад 20 студзеня 1999 г.
з дапаўненнямі ад 26 снежня 2000 г.
Адрас:
220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл: (017) 223-74-10, 223-53-41
8-029-623-74-10
office@medisont.com
www.medisont.com

Часопіс «Абажур» выдаецца ў межах
міжнароднага праекта «Умацаванне
дэмакратычных мас-медыя
ў Беларусі»
пры падтрымцы Еўрапейскай Камісіі і
з удзелам Саюза журналістаў Літвы.

У адпаведнасці з Законам аб друку
аўтары нясуць адказнасць за падбор
і дакладнасць фактаў, прыведзеных у
артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць матэ-
рыялы ў парадку абмеркавання, не
падзяляючы пункту гледжання
аўтараў.

Назад, у СССР!	2
Казніць нельзя поміловаць.....	5
Усё той жа вуліцай знаёмай.....	10
Белорусские звезды на чужом небосклоне	12
Общественное телевидение: об опасности формального подхода	14
Зарисовки литовского пейзажа... информационного	20
Все почти как у нас, но намного иначе ..	23
«Политика» Варшавы	27
Як беларусы на сваю партызанскую сутнасць не забываюцца	30
Творчая брама.....	32
Задание на осень	36
Превозмогая рассудок (сага о картошке).....	42
Об особенностях персональной позиции журналиста	45
Способы эмоциональной саморегуляции	47
Ухабы отечественной антиалкогольной политики и «номенклатурные» застолья	49
«Ненападение»	54
Через пять морей под парусами	58

«Назад, У СССР!»

Юлія ДРАНЧУК

Сонца біла ў вымытую шыбу што ёсць сілы. Першая настаўніца была (прынамсі, падавалася) ласкавай і прыгожай, дзеці былі (яшчэ) насцярожана ціхія ды паслухмяныя, сцены — звычайна аміністратыўныя, жоўтыя, над дошкай вісеў партрэт Леаніда Брэжнева. Быў 1982 год. 1 верасня. Гэткім я запомніла свой першы Дзень ведаў.

Я пайшла ў школу вельмі падрыхтаваным дзіцём. Умела чытаць па-расейску, па-беларуску і нават па-нямецку. І ў свае сем год была ўпэўненая, што буду ў школе лепшай навучэнкай: што інакш быць не можа, бацькі мне давялі паспяхова.

Але на першых жа занятках — магчыма, гэта быў «урок міру» — я зразумела, што ведаю вельмі мала. На простыя пытанні настаўніцы: «Чаму наш сцяг чырвонага колеру?», «Чаму мы святкуем дзень 7 лістапада?» — з усёй класы цягнулася адзіная рука. Дагэтуль не ведаю, дзе гэтак моцна палітычна падкавалі тую надзіва дасведчаную дзяўчынку. А тады было зайздросна. Мне бацькі забылі давесці, што я маю магчымасць вучыцца дзякуючы тысячам працоўных, якія ў 1917 годзе загінулі за ўсеабдымную роўнасць. І таму, нібыта, чырвань сцяга ўшаноўвае памяць пра іх пралітую кроў і перамогу рэвалюцыі.

Гэта цяпер я ведаю, што такія рэчы называюцца ідэалогіяй. А тады я проста шкадавала, што не я цягну руку і маю правільны адказ. А праз колькі дзён пра мой узровень ідэалагізаванасці даведліся і мае бацькі. Бо калі Леа-

нід Брэжнеў памёр, у школе абвешцілі жалобу і адпусцілі вучняў па хатах, а я з'явілася дадому ў слязах: Брэжнева ж няма больш. «І што?» — дагэтуль памятаю здзіўленне ў маміных вачах.

Маміна рэакцыя тлумачылася проста: у сям'і ніколі не выхоўвалася любоў ані да Брэжнева, ані да Леніна. Але калі навокал насаджаецца нейкая ідэя, удзел сям'і ўжо неабавязковы. Гэтак я на ўласным досведзе даведлася, што такое ідэалогія і ідэалагізацыя.

Сёлета пра гэта ж даведліся, але наўрад ці ўсвядомілі сотні або нават тысячы першакласнікаў, што пачалі свой доўгі школьны шлях. І ў іх не запытваліся, чаму сцяг мае чырвоны колер — іх папросто папрасілі намаляваць. І сцяг, і герб.

А некаторых першакласнікаў паставілі ў шэраг і запыталіся: чаму без гальштука, калі піянер? Ах, не піянер? А чаму ж ты адрываешся ад калектыву? Жыццё сабе сапсаваць жадаеш?

А некаторым адразу, на першым агульным сходзе, загадалі: дзённікі набываць толькі з партрэтамі Лукашэнкі на першых старонках. Іншыя не прымаюцца, і дзяцей могуць не пусціць на заняткі.

Нехта абьякава пайшоў і набыў яшчэ адзін дзённік — з выявай прэзідэнта замест Францыска Скарыны ці хаця б Мікі-Маўса альбо невядомай прыгажуні на вокладцы. Нехта ўчыніў скандал і дамагаўся справядлівасці, даводзячы, што ніякай адпаведнай пастановы не было, дзённік набыты ў беларускай краме... «Вы не маеце права!» — казаў нехта.

А насамрэч права маюць. Бо сёння ўзяты курс на ідэалагізацыю. Напярэдадні Дня ведаў у Мінску прайшла адмысловая нарада з удзелам настаўнікаў па пытаннях прасоўвання правільных думак і ідэй у розум ды свядомасць маладых беларусаў. «Сталічнай адукацыі — сучасная ідэалогія!» — гэтак гучала тэма нарады. Ідэалагізацыя ў ідэале падобная да матрыцы — яна паўсюль. У дзённіках, падручніках матэматыкі, на вокладках сшыткаў... На паштоўках, капэртах, у сацыяль-

най рэкламе... Не кажучы пра адмысловыя заняткі — «палітфармацыя», прыкладам.

Каб змяніць погляды нашы, дастаткова выхаваць у новых поглядах хаця б адно пакаленне — гэта ведалі і гэтым карысталіся ўсе дыктатары свету. Сёння беларуская ўлада занялася гуртаваннем новых кадраў. «Школа мусіць стацца ідэалагічным цэнтрам на вёсцы» — заявіў Аляксандр Лукашэнка не так даўно.

Сапраўды, дзе ж як не ў школе тлумачыць моладзі, што жыццё — яскравае і светлае, нашая краіна — высокаразвітая, і шчасце — ёсць, трэба ў яго толькі верыць? А тыя, хто цвердзіць, што дзесьці лепей — ці вар'яты, ці зайздросцяць нам, цалкам забяспечаным і задаволеным.

На думку Рыгора Антанюка, прафесара кафедры філасофіі Інстытута падрыхтоўкі навуковых кадраў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, доктара філасофскіх навук, «*наяўнасць афіцыйнай ідэалогіі — адметная рыса таталітарнай дзяржавы (прыкладам, тэакратычнай, фашысцкай, камуністычнай). Калі дзяржава мае афіцыйную ідэалогію, яна набывае і ідэалагічны характар. Галоўная ідэйная роля ў ідэалагічнай дзяржаве належыць ідэалагам (жрацам), якія ўсталёўваюць у якасці абавязковых для грамадзянаў афіцыйныя арыенціры каштоўнасцяў ідэалагічнага кшталту, фармуюць і рэгулююць духоўныя працэсы адпаведна з афіцыйнай ідэалогіяй і сочаць за ажыццяўленнем гэтай ідэалогіі.*

У тэакратычнай дзяржаве гэтую ролю адыгрывае духавенства, у свецкай — партыйныя і дзяржаўныя ідэалагі. Хто кантралюе духоўнае жыццё грамадства і асобнага грамадзяніна, той кантралюе ўсю дзяржаўную ўладу. Атрыбутамі ідэалагічнай дзяржавы ёсць культы, заснаваныя на ідэалізацыі дзяржавы, ейнай улады і ўладнікаў, афіцыйнай ідэалогіі і ейных «жрацоў», кіроўчых грамадскіх

стасункаў, грамадскіх груп, арганізацый, афіцыйных нормаў, каштоўнасцяў, мэтай і г. д. і антыкульты іхнай апазіцыі, інакшых формаў грамадскага ладу. Гэткая атрыбуты з'яўляюцца істотнымі кампанентамі афіцыйнай ідэалогіі і сведчаць пра ёйнае існаванне».

Паводле гэткага азначэння, ідэалогія існавала ў нас вельмі даўно. Толькі сёння яна выйшла на якасна новы ўзровень. Калі не проста «пажадалі», каб ідэалагічная праца была — загадалі, каб яна расла, квітнела і дала ўсё большы ўраджай.

Цяжка сказаць, на які ўраджай можа разлічваць наша грамадства. З аднаго боку, сённяшня моладзь Беларусі — не тая, што сядзела ў школе пад партрэтамі Брэжнева. Але і зусім не тая, што сядзела пад бел-чырвона-белым сцягам і Пагоняй.

Вядома, не ўсе настаўнікі прымушаюць ісці ў піянеры і пільна сочаць, каб дзённік пачынаўся з прэзідэнта. Але ёсць і такія, хто разбурае псіхіку дзецям, патрабуючы, каб нават тыя, хто не пагадзіўся ўступаць у піянеры, наведвалі піянерскія мерапрыемствы кшталту ўрокаў патрыятычных спеваў.

Асаблівага выбару няма — нялёгка знайсці непалітызаваную школу, дзе адсутнічае піянерска-камсамольскі прэсінг, але рана ці позна дзіця атрымае атэстат і прыйдзе ў ВУЗ. Сёння там рыхтуюцца да выкладання новай дысцыпліны. Амаль нідзе яшчэ курс дзяржаўнай ідэалогіі не ўведзены, але неўзабаве гэта пачнецца. Большасць студэнтаў ставіцца да навіны вельмі скептычна. «Хто прымусіць хадзіць на прадмет, дзе выкладаюць духту? — весела адказвае на маё пытанне студэнтка 3-га курса Педагагічнага ўніверсітэта. — Не сакрэт, што пачынаючы з другога курса большасць дысцыплінаў падзяляецца на «шкавья-нешкавья» і «патрэбныя-непатрэбныя». Наведваць «пары» нешкавья і непатрэбныя ніхто не будзе», — прагназуе дзяўчына. Але вельмі паказальна тое, што гэтак жа рашуча і весела яна не пажадала на-

зваць для СМІ сваё імя. А гэта значыць, што пры пільнай патрэбе ідэалогія здолеюць зрабіць абавязковай для наведвання. І наведванне забяспечаць.

Беларускія ВУЗ ужо атрымалі метадычкі абавязковага курса гэтай дысцыпліны. Яшчэ ўвесну 2003 года прэзідэнт адзначыў, што ідэалагічны курс — адзіны і абмеркаванню не падлягае. «Недапушчальна, калі чынавенства ці выкладчыкі навучальных устаноў не падзяляюць дзяржаўную ідэалогію, а часам адкрыта выказваюцца супраць улады і таго кірунку, які самі праводзяць у жыццё ці мусяць праводзіць, бо ўманціраваныя ў гэтую сістэму ўлады. Добра можна рабіць толькі тое, у што сам верыш. З тымі ж, хто ідзе насуперак дзяржаўнай палітыцы ці вага-

ецца, трэба, таварышы, рашуча развітвацца», — было зазначана яшчэ ў сакавіку.

Беларускі палітолаг Уладзімір Роўда гэтак каментуе ідэалагізацыю вышэйшай адукацыі: *«Гэта вяртанне ў мінулае: абмяркоўваць навуковасць ідэалогіі папросту несур'ёзна. Нідзе ў свеце гэткая дысцыпліна не выкладаецца. Бо ідэалогія — гэта сістэма поглядаў, якая распаўсюджваецца палітычнымі партыямі і рухамі. Калі ідэалогію пачынае навязваць дзяржава, значыцца, яна рухаецца да талітарызму».*

Узгадваецца застаўка-слоган адной з беларускіх FM-станцыяў: «Назад, в СССР!»

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ, или КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ОТПИСАЛСЯ...

В сентябре 2002 года общественное объединение «Белорусская ассоциация журналистов» выступило с инициативой сбора подписей граждан Республики Беларусь за отмену статей 367, 368 и 369 Уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за клевету и оскорбление Президента Республики Беларусь, а также за оскорбление представителя власти. Основной побудительной причиной начала этой общенациональной кампании стали уголовные дела в отношении журналистов гродненской газеты «Пагоня» Николая Маркевича и Павла Можейко.

Ксбору подписей подключились практически все редакции независимых газет, ряд политических партий и общественных организаций, а также неравнодушные граждане. В течение нескольких месяцев после начала кампании было собрано около 7 тысяч подписей.

Акция белорусских журналистов привлекла внимание международной общественности. Ее поддержали и депутаты

Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь — члены группы «Республика». Они предприняли попытку включить в повестку дня очередной сессии вопрос об отмене вышеуказанных статей. К сожалению, большинством голосов этот вопрос был заблокирован, и потому не стал предметом обсуждения в парламенте.

На IV Съезде общественного объединения «Белорусская ас-

социация журналистов» было принято решение обратиться в Конституционный суд с предложением о проверке на предмет соответствия Конституции статей 367–369 Уголовного кодекса. 2 июля 2003 года такое обращение было направлено в Конституционный суд. 8 августа пришел ответ из Конституционного суда.

Оба документа предлагаем вниманию наших читателей.

Тэлефонны адрас:
«БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
220030, Мінск, ул. Савітова, 17/204
тэлефон: (375) 017 223-63-66,
E-mail: tajassoc@unibel.by,
http://www.taj.unibel.by

Public organization
«BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS»
220030, Republic of Belarus, Minsk, P. Strydomy 17/204,
tel./fax: (375) 017 223-63-66,
E-mail: tajassoc@unibel.by,
http://www.taj.unibel.by

2007.03 № 105

7 лістапада
на расійскай ўрадавай
2 67 2003 27.11.07 2-09
Заданні на імя

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
г. Минск, ул. Карла Маркса, 32

ОБРАЩЕНИЕ

общественного объединения «Белорусская ассоциация журналистов»

Зварот грамадскага аб'яднання «Беларуская асацыяцыя журналістаў»

У Крымінальным кодэксе Рэспублікі Беларусь, які пачаў дзейнічаць з 1 студзеня 2000 года, у раздзеле 33 «Злачынства супраць парадку кіравання» ёсць артыкулы 367 («Паклёп у дачыненні Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь»), 368 («Знявага Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь»), 369 («Знявага прадстаўніка ўлады»). Выкарыстанне гэтых артыкулаў у следчай і судовай практыцы мела вынікам асуджэнне шэрагу беларускіх журналістаў. Распачатыя новыя крымінальныя справы па арт. 369 КК РБ.

Выясенне прысудаў і ўзбуджэнне згаданых крымінальных спраў яшчэ больш абвастрыла грамадска-палітычную сітуацыю ў краіне, выклікала надзвычай негатывную рэакцыю шырокай міжнароднай грамадскасці, а таксама аўтарытэтных еўрапейскіх структур. Усё гэта не можа не адбіцца на міжнародным іміджы Рэспублікі Беларусь.

Улічваючы сур'ёзнасць сітуацыі, якая штодня яшчэ больш напружваецца, грамадскае аб'яднанне «Беларуская асацыяцыя журналістаў» выступіла з ініцыятывай правядзення агульнанацыянальнай акцыі за скасаванне артыкулаў 367, 368, 369 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь. Да акцыі далучыліся палітычныя партыі, прафсаюзы, аб'яднанні прадпрыемстваў, маладзёжныя калектывы. Цягам некалькіх месяцаў сабрала каля 7 тысяч подпісаў грамадзян, якія рэпрэзентуюць практычна ўсе групы насельніцтва (копіі падпісных лістоў дадаюцца да звароту).

Акцыя ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў» набыла міжнародны рэзананс. Свае подпісы пад зваротам паставіў шэраг дэпутатаў Еўрапейскага парламента. Масавую кампанію абароны беларускіх журналістаў зладзіла польская «Gazeta Wyborcza».

У канцы лістапада 2002 года пытанне аб скасаванні артыкулаў 367, 368, 369 Крымінальнага кодэкса абмяркоўвалася ў Палаце прадстаўнікоў Нацыянальнага Сходу Рэспублікі Беларусь. Прапанова групы дэпутатаў уключыць згаданае пытанне ў парадак дня сесіі не была падтрымана дэпутацкай большасцю.

Пачынаючы акцыю за скасаванне згаданых артыкулаў Крымінальнага кодэкса, ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў» кіравалася тым, што яны ўключаны ў крымінальнае заканадаўства з відавочным парушэннем канстытуцыйных норм.

Згодна артыкула 22 Канстытуцыі, усе роўныя перад законам і маюць права без усякай дыскрымінацыі на роўную абарону праваў і законных інтарэсаў. У адпаведнасці з артыкулам 23 Канстытуцыі, «ніхто не можа карыстацца перавагамі і прывілеямі, якія супярэчаць закону».

Крымінальны кодэкс Рэспублікі Беларусь утрымлівае артыкулы 188, 189, якія ўсталёўва-

юць адказнасць за паклёп і знявагу. Дзеянне гэтых артыкулаў у поўным аб'ёме распаўсюджваецца на Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь і іншых прадстаўнікоў улады. Уключэнне ў КК артыкулаў 367–369 азначае ўсталяванне дадатковай абароны грамадзян у залежнасці ад іх пасады, што супярэчыць Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь.

Улічваючы, што Крымінальны кодэкс мае падпарадкаваны Асноўнаму закону статус, ён не можа выходзіць за рамкі Канстытуцыі. Артыкул 137 Канстытуцыі найпрост кажа, што «Канстытуцыя валодае найвышэйшай юрыдычнай сілай». Пры разыходжанні закона з Канстытуцыяй дзейнічае Канстытуцыя. У нашым выпадку — гэта артыкулы 22 і 23 Асноўнага закона.

Мы лічым юрыдычна абсурднай сітуацыю, калі падканстытуцыйны прававы акт — Крымінальны кодэкс — адмяняе дзеянне канстытуцыйных норм.

Гэта — прамое парушэнне Канстытуцыі, і яно павінна быць выпраўлена.

Трэба таксама ўлічыць, што еўрапейская і міжнародная практыка даўно не выкарыстоўвае метады крымінальных рэпрэсій за свабоднае выяўленне поглядаў і перакананняў, у тым ліку — за крытычныя выказванні на адрас дзяржаўных дзеячар.

Рэспубліка Беларусь падпісала шэраг міжнародных прававых актаў у галіне правоў чалавека і абавязалася іх выконваць. Гэта замацавана ў артыкуле 8 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь («Рэспубліка Беларусь прызнае прыярэтэт агульнапрызнаных прынцыпаў міжнароднага права і забяспечвае адпаведнасць ім заканадаўства») і ў частцы 3 артыкула 21 («Дзяржава гарантуе правы і свабоды грамадзян Беларусі, замацаваныя ў Канстытуцыі, законах і прадугледжаныя міжнароднымі абавязальцамі дзяржавы»).

З гэтага вынікае, што ўключэнне ў Крымінальны кодэкс Рэспублікі Беларусь артыкулаў 367, 368, 369 супярэчыць не толькі нормам Канстытуцыі, але і міжнародным абавязкам Рэспублікі Беларусь.

Улічваючы вышэйсказанае, грамадскае аб'яднанне «Беларуская асацыяцыя журналістаў» звяртаецца ў Канстытуцыйны суд Рэспублікі Беларусь у парадку артыкула 40 Канстытуцыі з прапановай разгледзець пытанне аб адпаведнасці Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь артыкулаў 367 («Паклёп у дачыненні Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь»), 368 («Знявага Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь»), 369 («Знявага прадстаўніка ўлады»).

Прынята на 3'ездзе грамадскага аб'яднання «Беларуская асацыяцыя журналістаў» 6 чэрвеня 2003 года.

На даручэнне 3'езда
Прэзідэнт ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»

Конституцыйны Суд Рэспублікі Беларусь

ул. К. Маркса, 32
220016, г. Мінск
тэл. (017) 227-52-09,
факс (017) 227-80-12
E-mail: ksrб@user.unibel.by

Канстытуцыйны Суд Рэспублікі Беларусь

вул. К. Маркса, 32
220016, г. Мінск
тэл. (017) 227-52-09,
факс (017) 227-80-12
E-mail: ksrб@user.unibel.by

08.08.2003 № 05-08/41-358

Президенту *общественного объединения
«Белорусская ассоциация журналистов»
Литвиной Ж. Н.*

Уважаемая Жанна Николаевна!

В связи с поступившим в Конституционный Суд обращением Белорусской ассоциации журналистов по вопросу исключения из Уголовного кодекса Республики Беларусь статей, предусматривающих ответственность за клевету в отношении Президента Республики Беларусь, за его оскорбление, а также за оскорбление представителя власти, сообщаем следующее.

Уголовное законодательство Республики Беларусь в целях дифференциации ответственности традиционно предусматривает общие и специальные составы преступлений. Введение специальных составов преступлений обусловлено важностью объекта посягательства и необходимостью учета специфических признаков, свойственных тому или иному преступлению, по сравнению с общим составом преступления.

Выделение в главе 33 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) «Преступления против порядка управления» указанных выше преступлений связано с необходимостью уголовно-правовой защиты нормальной деятельности государственных институтов и их представителей, а также авторитета государственной власти. Такой подход законодатель использует и в ряде других случаев, дифференцируя, например, ответственность за посягательство на жизнь работника милиции, за насилие либо угрозу применения насилия в отношении работ-

ника милиции, за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (террористический акт) и многие другие, подчеркивая при этом особую значимость охраняемых уголовным законом общественных отношений, олицетворением которых являются отдельные лица, занимающие ответственные должности.

Аналогичные подходы используются в законодательстве большинства других государств.

Например, в Уголовном кодексе Республики Польша предусмотрены специальные статьи (с повышенными санкциями) об ответственности за публичное оскорбление Президента, посягательство на его жизнь, за активное нападение на него (ст. ст. 134–135). В Уголовном кодексе Федеративной Республики Германии наряду с общими нормами об ответственности за оскорбление, клевету и дискредитацию (§ 185, 186, 187) содержится специальная норма, предусматривающая повышенную ответственность за клевету и преднамеренную клевету в отношении политического деятеля (§ 188). При этом если вообще за клевету предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет или штраф (общая норма), то за клевету в отношении политического деятеля установлено наказание только в виде лишения свободы на срок от трех месяцев до пяти лет (специальная норма).

В Уголовном законе Латвийской Республики предусмотрена ответственность за оскорбление чести и достоинства представителя власти и иного государственного должностного лица (ст. 271). Аналогичные подходы имеют место в уголовном законодательстве Российской Федерации (ст. 319), Литовской Республики (ст. 290), Республики Узбекистан (ст. 158), Республики Казахстан (ст. ст. 319, 320), Кыргызской Республики (ст. 342), Республики Таджикистан (ст. 137), Голландии (ст. ст. 111–113), Испании (ст. 491), Республики Болгария (ст. 148) и многих других.

С другой стороны, законодательство учитывает занимаемое положение лица при определении меры его ответственности за совершенные преступления. Например, совершение преступления должностным лицом признается обстоятельством, отягчающим ответственность, в целом ряде статей УК Республики Беларусь. Более строгая ответственность за некоторые преступления предусмотрена в случаях, если они совершаются должностными лицами, занимающими ответственное положение (например, злоупотребление властью или служебными полномочиями, бездействие должностного лица, превышение власти или служебных полномочий, получение взятки). Согласно ч. 5 ст. 4 УК к должностным лицам, занимающим ответственное положение, относится и Президент Республики Беларусь, что непосредственно свидетельствует о закреплении в уголовном законе принципа равенства всех перед законом. Должностное положение, занимаемое лицом, совершившим преступление, каким бы оно высоким ни было, не может служить основанием для предоставления ему каких-либо льгот и привилегий.

Следует также иметь в виду, что Уголовный кодекс предусматривает ответственность за клевету или оскорбление в отношении любого гражданина (ст. ст. 188, 189 УК), охраняя его честь и достоинство. Признаки этих преступлений совпадают с признаками аналогичных преступлений, посягающих на авторитет

государственной власти. Однако в силу большей значимости данного объекта посягательства установлена несколько повышенная ответственность в санкциях статей 367–369 УК. Исключение этих статей из УК не означало бы исключения вообще ответственности за клевету и оскорбление.

По мнению Конституционного Суда, поднятые журналистами вопросы относятся больше к проблеме правильного установления в правоприменительной практике признаков преступлений, предусмотренных статьями 367–369 УК. Такие ошибки не исключены и в правовой оценке преступлений, предусмотренных ст. ст. 188 и 189 УК.

Вполне очевидно, что критические замечания, сделанные в адрес любого представителя государственной власти, если они не сопряжены с распространением заведомо ложных, позорящих его измышлений либо с умышленным унижением его чести и достоинства, выраженным в неприличной форме, не содержат признаков указанных преступлений и вследствие этого не могут влечь уголовную ответственность.

В этой связи заслуживает внимания положение, закрепленное в УК Республики Казахстан в качестве гарантии исключения подобных ошибок на практике, согласно которому публичные выступления, содержащие критические высказывания о служебной деятельности представителей власти, не являются клеветой или оскорблением.

В целях обеспечения дополнительных гарантий защиты конституционного права граждан на получение полной, достоверной и своевременной информации, а также охраны свободы печати и других средств массовой информации Конституционный Суд планирует рассмотреть вопрос о внесении предложения в Национальное собрание Республики Беларусь по совершенствованию соответствующих норм УК в конце августа 2003 г., о чем Вам будет дополнительно сообщено.

Суважением
Председатель Г. А. Василевич

Как следует из пространного ответа председателя Конституционного суда Г. Василевича, представители власти должны пользоваться повышенной защитой посредством закона. При этом делается ссылка на работников милиции, чья деятельность, как известно, сопряжена с определенным риском для жизни и здоровья.

В качестве аргумента в пользу сохранения статей 367–369 УК используется ссылка на законодательство ряда зарубежных государств, в том числе России, Литвы, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана... В этот перечень попали и современные монархии, где по традиции охраняется честь и достоинство царствующих особ.

Что касается наших бывших азиатских братьев по единому социалистическому лагерю, то в отдельном комментарии наличие в их уголовном законодательстве подобных статей, надо полагать, не нуждается. В отношении же западных демократий следует отметить, что в последние десятилетия ни один журналист не был привлечен к уголовной ответственности за клевету и оскорбление высших должностных лиц государства. И это несмотря на то, что журналисты не особенно стесняются в выражениях, критикуя руководителей своих и чужих стран.

Еще раз хотим подчеркнуть: общественные фигуры, к каковым в первую очередь относятся руководители страны, в европейских странах не отражены специальными правовыми мерами защиты от диффамации. Скорее, наоборот. Их действия и высказывания находятся под пристальным вниманием журналистов и часто становятся темой скандальных сенсаций. Но никому из них не приходит в голову сводить счеты, тем более прятать за тюремную решетку авторов острых критических публикаций.

Такое положение в цивилизованных странах имеет место потому, что первые лица государства являются такими же гражданами, как и остальные. У них нет каких-либо особых привилегий на защиту своей чести и достоинства. Характерным примером может послужить «дело» нынешнего

канцлера ФРГ Герхарда Шредера к одному из немецких журналистов, который поведал общественности «страшный секрет»: оказывается, г-н канцлер подкрашивает свои волосы. После этого и последовал иск обиженного **гражданина** Шредера к журналисту. Истец доказывал перед всей Германией и остальным миром, что у него естественный цвет волос и в подкрашивании они не нуждаются.

Вернемся еще раз к письму Г. Василевича. После обоснования правомерности включения в уголовное законодательство специальных статей 367, 368 и 369 он неожиданно и вопреки логике делает отсылку к статьям 188 и 189 УК, которые предусматривают ответственность за клевету и оскорбление в отношении любого гражданина, охраняя его честь и достоинство.

Так об этом и говорилось в обращении БАЖа в Конституционный суд! В соответствии с Конституцией все равны перед законом, и никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону. Ни гражданин президент, ни тем более граждане представители власти. Поэтому на них в полном объеме распространяются нормы Уголовного кодекса, предусматривающие ответственность за клевету и оскорбление, то есть ст. ст. 188 и 189 УК.

В этой связи и был поставлен вопрос об исключении из уголовного законодательства статей, которые противоречат статьям 22 и 23 Конституции. При этом мы исходили из того, что в соответствии с общепринятой практикой законодательства ни один правовой акт не может противоречить Основному закону страны. В ином случае он признается юридически ничтожным и не подлежит исполнению. Мы надеялись, что именно в такой плоскости Конституционный суд подойдет к рассмотрению обращения БАЖа. Увы, наши надежды не оправдались.

Справедливости ради отметим, что Конституционный суд попытался смягчить последствия действия вышеуказанных статей Уголовного кодекса. Как сообщается в ответе, проблема в большей степени заключается в «*правильном установлении в*

правоприменительной практике признаков преступлений, предусмотренных статьями 367–369 УК».

Насколько правоприменительная практика «правильная», мы убедились по делам журналистов газет «Пагоня» и «Рабочы». Органами предварительного следствия и судом не были обоснованы доказательствами факты клеветы и оскорбления в отношении главы государства. Тем не менее, в ходе «правильного установления... признаков преступления...» журналисты были осуждены.

Как стало известно, Конституционный суд рекомендовал нынешнему парламенту внести в Уголовный кодекс дополнение, чтобы «*критические замечания, сделанные в адрес представителя власти, не сопряженные с распространением ложных, порочащих его измышлений либо с умышленным унижением чести и достоинства, выраженным в неприличной форме, не могли рассматриваться как преступление».*

Трудно представить, как парламентарии реализуют предложение Конституционного суда. Но открытым остается главный вопрос: кто будет определять ту грань, где заканчивается критика и начинается клевета и оскорбление? Можно предположить, что это, как и прежде, будут делать наши прокуроры и судьи. То есть это именно им будет дозволено по своему усмотрению ставить злополучную (или наоборот) запятую в известной казуистической формуле: казнить нельзя помиловать.

Вот почему мы продолжаем считать, что лучшим решением проблемы является исключение явно неконституционных статей 367–369 из действующего Уголовного кодекса. Такой шаг приблизит наше законодательство к европейским стандартам и снимет одно из серьезных ограничений в реализации конституционного права граждан на свободу слова.

*Михаил Пастухов,
Юрий Топорашев,
эксперты Центра правовой
защиты СМИ
при ОО «Белорусская ассоциация журналистов»*

Усё той жа вуліцай знаёмай...

Спроба агляду газеты, якой няма

Газеты ў нашай краіне знікаюць не толькі на судовых выроках. «Тыднёвік Магілёўскі» напрыканцы мінулага года вымушаны быў (на шостым годзе жыцця) спыніцца па фінансавых прычынах. Па рынкавых правілах, можа, яно так і павінна было здарыцца. Аднак суцяшацца гэтым не выпадае, бо насамрэч ніводная газета ў свеце не жыве на сродкі ад продажу накладу, не кажучы пра нашыя прыўладныя выданні, што шчодро фінансуюцца з дзяржаўнага бюджэту. Да таго ж, як вядома, за ўсё, што звязана з выданнем газеты і дастаўкай яе чытачу, недзяржаўныя выданні вымушаныя плаціць значна больш, чым дзяржаўныя. Надзвычай ускладненая для нас і магчымасць прыняцця дабрачыннай фінансавай дапамогі.

Аднак чамусьці верыцца, што апошняя старонка біяграфіі «Тыднёўка» ўсё ж не перагорнутая канчаткова. Бо вось яны – нашы журналісты і аўтары, з якімі па-ранейшаму бачышся кожны дзень. Вось чытачы, што чакаюць і спадзяюцца на сустрэчу. А вось і жыццё, што прагне сумленнага адлюстравання ў надрукаваным слове...

Генадзь СУДНІК,
былы рэдактар былога
«Тыднёўка Магілёўскага»

Далёка не ўсё добра ў Магілёўскім каралеўстве. Але намаганнямі абласнога ідэалагічнага штабу і ў поўнай адпаведнасці з генеральнай кіраўнічай лініяй праблемы не трапляюць у сферу грамадскай ўвагі і абмеркавання. Мясцо-

выя выданні старанна цвердзяць пра нібыта паспяховы рух наперад і грамадскую згоду. Практыку замоўчвання рэалій жыцця не могуць змяніць новыя дэпутаты «ад дэмакратычнай плыні», якія ў нядаўняй выбарчай кампаніі шмат каго і нават сябе здолелі пераканаць у магчымасці падняць аўтарытэт мясцовых Саветаў і гатоўнасці перахапіць ініцыятыву ў выканаўчых структураў. Надзеі, аднак, аказаліся марнымі, а здольнасці – перабольшанымі.

Сёлета рэгіён святкаваў 65-годдзе сваёй адміністра- тыўна-тэрытарыяльнай цэласнасці. Сапраўды, толькі гэты караценькі перыяд з свайго шматвяковага узросту рэгіён жыве ў межах адной (роднай) краіны, якая і сама набыла незалежнасць зусім нядаўна. Можа,

з-за гэтых тэрмінаў афіцыйнае начальства яшчэ не навучылася карыстацца адпаведнай тэрміналогіяй, і ўсё святкаванне юбілею вобласці было афарбаванае савецкім узнёслым пафасам. Ніякіх узгадак пра да- савецкую гісторыю рэгіёну ні з прамоўных трыбунаў, ні з старонак мясцовых газетаў не гучала. Не ўзгадвалася і пра тое, што па эканамічных выніках і шмат якіх іншых паказчыках Магілёўшчына, як не стараецца (асабліва ў апошнія 3–4 гады аблвыканкамаўскага старшынёўства Барыса Батуры), па-ранейшаму займае апошнія месцы ў краіне. Яна дае восьмую частку прамысловай прадукцыі краіны і сёмую — сельскагаспадарчай.

Але ў гэтым найменш вінаватая насельнікі вобласці. Шмат

у чым вінаватая тая самая гісторыя рэгіёну — і дасавецкая, і савецкая, можа, найбольш. Рэгіён застаўся адзіным у краіне, што не здолеў аднавіць колькасці насельніцтва, якое жыло тут перад Другой сусветнай вайной. Між тым у адпаведнасці з савецкімі дырэктывамі на тэрыторыі вобласці ў пасляваенны час з'явілася некалькі прамысловых гігантаў — «Хімвалакно», шынны камбінат, «Трансмаш», «Белшына», цэментны завод і інш. На забеспячэнне іх працоўнымі рэсурсамі і спецыялістамі рэгіён не меў уласных сілаў і чалавечых рэсурсаў. Адсюль перакосы і недарэчнасці ў нацыянальна-дэмаграфічным развіцці, а таксама неадольны цяжар утрымання індустрыяльных гігантаў, якія апошнімі гадамі з прычыны нерэфармаванасці ў адпаведнасці з патрэбамі рынку прыносяць рэгіёну адныя страты і сацыяльнае напружанне. Практычна ўсе прадпрыемствы, так бы мовіць, мясцовага ўзроўню — стратныя. Яны даўно не ведаюць тэхнічнага і тэхналагічнага абнаўлення і ніколі не чулі пра інвестыцыі, яны шпарка старэюць, як і насельніцтва райцэнтраў і вёсак. Моладзь бяжыць з роднага кута, як толькі атрымлівае «пашпартную» магчымасць. Нараджальнасць у вобласці практычна роўная смяротнасці. Большасць сем'яў распадаецца, не дацягнуўшы да 5-гадовага стажу. Вёска вось-вось ператворыцца ў чалавечую пустэчу...

Толькі ў самы апошні час пачаліся размовы і першасныя спробы рынкавага рэфармавання прамысловасці і сельскай гаспадаркі. Аднак адміністравання тут настолькі шмат, што казаць пра эканамічную волю і

чалавечую ініцыятыву пакуль не выпадае. Прыкладам, працоўным «Белшыны» не дазволена прыняць удзел у прыватызацыі прадпрыемства за маёмасныя чэкі, а «жывых» грошай у людзей няма. Значыць, гаспадарыць на «Белшыне» будуць не яны. Ну, і дзе тут маёмасная зацікаўленасць і пачуццё гаспадароў?..

Няма гаспадароў і на вёсцы. Магілёўская вёска традыцыйна пакутуе ад нізкай энергатычнай забяспечанасці, ад бясконцага камандавання над сабой, ад адсутнасці прыватнай зацікаўленасці ў выніках працы. Наш рэгіён, падаецца, лідзіруе ў пераводзе намерлых калгасаў у склад тых, якія яшчэ трымаюцца на ўласных нагах. Гэтым «новым» сельгаспрадпрыемствам надаюцца новыя імёны і новыя эканоміка-вытворчыя шылды. А шмат што застаецца па-старому — тое ж кіраванне, тая ж нялёнасць прыватніцкіх асноў, тая ж селектарная нервовасць падчас і сяўбы, і жніва.

Увесь час у стане напружання жывуць і працуюць прыватнікі. У гэтым найменшым (крыху больш за 6 працэнтаў ад усіх працуючых у вобласці) сектары эканомікі перыядычныя страйкі — звычайная з'ява. Страйкі даюць праўду сказаць, мала плёну, бо ўлада не рэагуе на патрабаванні прыватнікаў, а грамадства дэманструе да іх (як і да шмат чаго іншага — вось ці не асноўная праблема часу!) — сваю поўную абмякаванасць.

Самым залашчаным афіцыйнымі газетамі і тэлебачаннем першавераснёўскім сюжэтам стала адкрыццё ў абласным цэнтры расійска-беларускага ліцэя. Між тым ніводзін карэспандэнт з гэтых СМІ не накіраваўся ў Горкі, дзе дванаццаціга-

довая Марылька Каралькова разам з бацькамі працягвае няроўнае змаганне з дзяржаўнай машынай за сваё права вучыцца ў беларускай школьцы. Куды там, калі ўся афіцыйная «культура» Магілёўшчыны грэбуе натуральнай задачай свайго развіцця на нацыянальным грунце. Затое, як днямі супакой абласную грамадскасць намеснік старшыні аблвыканкама А. Глаз, ёсць фінансавая гарантыя правядзення чарговага «Залатога шлягеру». Ды й сумесны расійска-беларускі пленэр Бяльніцкага-Бірулі, які вось толькі прайшоў на Магілёўшчыне, заахвочваў мастакоў да праслаўлення ці не адзінага (усё яшчэ) *Отечества*.

...І яшчэ шмат пра якія парадоксы можна было б даведацца з «Тыднёвічкі» падшыўкі. А паколькі насамрэч яе няма, дык і жыццё шмат каму падаецца іншым. Тым больш, што ўлада ў сваім уменні «ствараць уяўленне» непараўнальна больш спрактыкаваная за любую газету.

Днямі, напрыклад, у абласным цэнтры ўрачыста адчыненая пешая вуліца: адмысловыя ліхтары, брукаваная прастора, металевыя (пад старыну) лаўкі, крамы і буцікі на першых паверхах падфарбаваных дамоў. Усё блішчыць і ззяе! Асабліва кранаюць новенькія, блакітнага колеру шылдачкі на новенькіх фасадах: «вуліца Ленінская»... Вось яна — маштабная, салідная і яскравая пераемнасць, стабільнасць і перспектыва. Тое, чаго прагне стомленае грамадства і што паслядоўна забяспечвае рашучая ўлада...

А тут вы — са сваімі «Пагонямі», «Салідарнасцямі» ды «Тыднёвікамі»...

Белорусские звезды на чужом небосклоне

Идея написать о белорусских журналистах, работающих на крупные российские и западные телекомпании, газеты, агентства, возникла давно. Но все как-то не складывалось. Слишком редко большинство из них посещают родные пенаты, а телефон к откровенному разговору как-то не располагает. Но тут чудесным образом как-то все совпало. Я оказалась в Варшаве, туда же после шести лет работы в Праге переехал Леонид Свиридов. Так что застала я его на новом месте обитания среди еще не распакованных чемоданов и коробок. И хотя он жаловался, что «один переезд равносителен пяти пожарам», видно было, что новым назначением и местом пребывания Свиридов очень доволен. Поэтому, не дожидаясь моих расспросов, Леонид обрушил на меня поток впечатлений. Пришлось на ходу доставать диктофон, благо старенький кассетник всегда «бултыхается» в моей сумке.

Галина ПЕРЕПЕЛКИНА

— Нормальный жизненный цикл — пять лет. Потом надо что-то менять: или работу, или место жительства, или еще что-то, но надо менять. В Праге я прожил шесть лет — два года работал на телевидении, четыре — в агентстве. И от Праги, честно говоря, подустал. Да и климат там тяжелый.

— Где, в Праге?!

— Не веришь? Прага находится в котловине, которую со всех сторон окружают горы. Вечные перепады температуры, давления. При царе-батюшке, сто лет назад, Прага относилась к городам с тяжелыми климатическими условиями для жизни. И русским дипломатам приплачивали надбавку за вредность. Ну, царь-батюшка не дурак был, да и в царском окружении тоже были не идиоты. Пришли

большевики — сразу все похерили: «Прага? Какие там тяжелые климатические условия? Никаких тяжелых условий!»

В Варшаве пока — просто замечательно. Площадь бюро, сама видишь, 127 кв. м. Две жилые комнаты и служебные помещения: кабинет, холл для приема гостей, огромный балкон. Это бывшее посольство Испании. Входная дверь просто замечательная — из особо прочного металла, видимо, защищала от испанских террористов (шучу). Все под охраной, все в порядке...

— В свое время многие расценили твой отъезд в Прагу как необыкновенное везение. Вытянул счастливый билет?

— Я бы не сказал, что это был счастливый билет. За все приходится платить. Это иллюзия — ты уехал, и все замечательно. Повторюсь: за все приходится платить, в широком

смысле. Начиная со своего здоровья, внутреннего состояния, чего-то прочего. Теряешь знакомых, друзей — многие вещи теряются безвозвратно. Потому не все так однозначно. Когда уезжаешь за границу, первый год или два просто лезешь на стенку — это тоже не сахар. Иногда думаешь: а какого черта поехал, и не вернуться ли назад? Тем более, если сразу попадаешь в такую сложную страну, как Чехия. Поэтому мой счастливый билет — это палка о двух концах.

Я очень хорошо помню день отъезда в Прагу — 2 августа 1997 года. Я улетал из аэропорта «Минск-2». Объявили посадку, я прошел регистрацию, оформил багаж и уже направился к самолету, как вдруг мне навстречу идет Заметалин с двумя бодигардами. А Паше Шеремету уже надели наручники, и он, и Дима Завадский

Еще не звезда, но уже в Мюнхене

по статистике в Праге 10% населения — русскоговорящие.) Но ощущение того, что уехал навсегда и никогда не вернусь в Беларусь, сильно отравляло жизнь.

— Это угнетало?

— Это страшно угнетало — отрублено все. Тогда я понял состояние советских диссидентов. Ты уезжаешь и никогда не вернешься домой. Это истерика. Я, конечно, не Ростропович. Но чисто эмоционально, психологически — ужасно тяжело. Позже приходит понимание, что жизнь не закончилась. Что границы открыты. Что все проблемы решаются просто: взял билет и поехал. Проблема ностальгии, как ни грубо это прозвучит, — это вопрос финансов.

сидели в кутузке. Представляешь мое состояние?! У меня — ступор, первая мысль: «Ну все, прилетел». Заметалин проходит мимо меня, оборачивается и идет ко мне. Дальше следует диалог:

— Леня, ты куда?

— Я в Прагу, Владимир Петрович.

— Надолго?

— Думаю, что да.

— Это хорошо, это правильно, Леня...

Первые два года на новом месте просто лез на стенку. Чего не хватало? Да всего. Начиная с мелочей — продукты другие, вода. Нет привычного круга общения, друзей. Вырываешься из привычной среды, и эмоционально это очень тяжело. Тем более чешского языка я не знал совсем. В Прагу уезжал в надежде, что через год-полтора мы откроем бюро Российского телевидения в Варшаве, и я перееду в Польшу. Но, как известно, нет ничего более постоянного, чем состояние временного ожидания. Через год, когда понял, что в ближайшее время вряд ли что изменится, я успокоился и стал учить чешский язык. Постепенно образовался круг знакомых. Появилась своя среда. (Кстати,

Леонид Свиридов по первому образованию — инженер-математик, закончил Белорусский политехнический институт с красным дипломом. Работал преподавателем на кафедре института. Сотрудничал с радиостанцией «Беларуская маладзёжная» — делал авторские программы. По настоянию сотрудников радиостанции поступил на факультет журналистики БГУ. В конце восьмидесятых работал в пресс-службе Минского горсовета. Через год пошел работать в только что открывшуюся газету «Рэспубліка». Сотрудничал с радиостанциями «Голос Америки», «ВВС», «Радио России». После путча 1991 года открыл в Минске корпункт «Радио России». Через год в добровольно-приказном порядке стал работать на РТР. Аргумент тогдашнего руководителя службы новостей Александра Нехорошева: «Свиридов, ты должен понимать: на телевидении работают люди сплошь талантливые, а на радио — умные. Поэтому у тебя есть два варианта: либо ты пишешь заявление о переходе на телевидение, либо...» Но радио, по признанию Леонида, до сих пор остается первой любовью.

В 1994 году по направлению РТР закончил в Дании высшую школу международной журналистики. После этого не стал учиться на журфаке. Сейчас — директор варшавского представительства Российского информационного агентства «Новости».

— Сейчас, как я вижу, ты не просто спокоен, но и доволен.

— Мой приезд в Польшу — это возвращение в детство (надеюсь, не впадание). Мой папа военный, мы жили в Польше. Здесь я пошел в первый класс. Язык я вспомнил довольно быстро — заговорил хорошо уже на третий день, через пару недель, когда по работе возникла необходимость написать пару писем, я справился и с этим. А потом — в Варшаве жизнь просто бурлит. Страна большая, масса событий. В Праге же хорошо жить или на пенсии — ничего не делать, просто тратить деньги, или маленьких детей воспитывать — настолько там жизнь тихая, размеренная и безопасная. Людям же активным там просто скучно.

Не знаю, как надолго я задержусь в Польше. Обычно контракты с сотрудниками подписываются на год. В 90% случаев они продлеваются. В среднем корреспондент находится в стране 3–5 лет. Пока человек «въедет» в тему, пока выучит язык... На это уходит минимум полгода. Раньше нет смысла сдерживать людей. Во всяком случае, мне в Варшаве очень нравится. Пока...

— Ленья, у тебя сейчас российский паспорт...

— Да, благодаря Александру Григорьевичу Лукашенко, за что ему большое спасибо. Если бы он меня не подвиг на это, я бы никогда не поменял гражданство...

— Ваш конфликт, помнится, давний...

— Сдеявносто шестого. Все началось с 26 апреля, после Чернобыльского Шляха, после наших сюжетов на РТР о диком мордобое; потом первое всебелорусское собрание, когда у меня был жуткий скандал с охраной — они не пускали нашу съемочную группу на это мероприятие. А мы все это сняли и показали в эфире, после чего телохранители извинялись... Еще — преследование нашей машины, угрозы за-

брать кассеты, туда пускать — сюда не пускать... Все складывалось одно к одному, такие решения не принимаются в один день и в один час. Я долго собирал необходимые бумажки, потом так же долго они у меня валялись, пока в один прекрасный момент не наехали так, что уже сил не было никаких. Я собрался и пошел в Российское посольство. Это было 2 сентября 1996 года. Через пять минут мне выдали справку, что я зарегистрировал гражданство и на основании статьи такой-то Закона Российской Федерации являюсь гражданином России. Смена гражданства — это попытка защититься от произвола и непредсказуемости действий белорусских властей.

— Удалось? Или чувствуешь дыхание белорусской Родины?

— Родина следит пристально. В 2001 году я от РИА «Новости» приехал в Беларусь на президентские выборы. Получил официальную аккредитацию в МИД Беларуси. Я встретился со всеми кандидатами в президенты, со всеми, кроме одного — Александра Лукашенко. Его окружение приложило все усилия, чтобы меня не пустили. Дурость! Сорвалась задумка сделать большой материал о том, как изменился кандидат в президенты N 1 за прошедшие семь лет.

— А «поводок» Москвы слишком ощущается?

— Нет. Он никогда особо и не ощущался. Я ведь пишу о том, что происходит в стране, где работаю. Особых указаний нет. Другое дело: мой потрясающий начальник может прислать ценные советы — обратить внимание на ту или иную приближающуюся дату или событие. И все. Вот, например, когда проходила зимняя Олимпиада и русских просто замордовали (иногда справедливо, иногда нет) — лишали медалей, снимали с соревнований — попросили сделать материал, как чехи оценивают происходящее. Я встретился с чешскими спор-

тивными комментаторами. «Да, действительно, заметно, что американцы русских притесняют, нечестно и неправильно», — был их ответ. А что касается текущей работы, то мы сами следим за происходящими событиями. Каких-то указиловок: писать — не писать, пущать — не пущать, нет.

— Должность обязывает постоянно быть в мундире?

— Нет. Что меня очень радует! Я как к Александру Григорьевичу Лукашенко ходил когда-то на интервью в желтой майке и в желтых штанах, так примерно в таком же виде и хожу. Ну, конечно, уже не в желтой майке, но по-прежнему в джинсах.

— Это внешне, а внутренне?

— Нет-нет-нет! Никаких мундиров. В первую очередь ты — журналист, а потом все остальное. Никакой зажатости, «внутреннего» мундира нет.

— У многих, особенно молодых и начинающих журналистов, вырваться за рубеж — предел мечтаний. В здешнем понимании ты автоматически становишься миллионером. Скажи честно: ты — богатый человек?

— Ну, не знаю, как по здешним меркам... Насколько я могу судить, в Беларуси сейчас цены не ниже, чем в Европе, а то и повыше. Я не могу сказать, что я человек богатый. Я, скорее, человек не бедный. Квартира в Минске у меня традиционно-стандартная, ничего экстраординарного нет. Все как у всех — телевизор, холодильник, пылесос... Что касается зарплаты и заработков там, то, надо сказать, там зарплаты хорошие. РИА «Новости» хорошо заботится о своих сотрудниках. Два года проработав здесь, я совсем не жалею, что ушел с телевидения. И слава Богу, что я ушел с телевидения, и именно в это агентство. В нем до сих пор сохранились так называемые «советские» штучки, в лучшем понимании этого слова: служба сервиса и бытовухи, работает система социальной за-

щиты, поддержки — все это отлажено и хорошо действует. Нам существенно подняли зарплату, насколько я знаю, она выше, чем в ТАСС. Так что жаловаться грех. Агентство любит своих сотрудников. Конечно, мы не занимаемся бизнесом, мы не миллионеры. Но зарплата по сравнению с местными на порядок выше. Для Европы наша зарплата тоже очень хорошая: я могу сравнивать с зарплатой польских и чешских журналистов — получаю практически столько же. Но, тем не менее, меньше, чем корреспондент «Рейтер», «Франс Пресс», других богатых западных агентств или телекомпаний. Но на центральноевропейском уровне мы выглядим достойно.

— **Со стороны местных политиков, бизнесменов чувствуется различие в отношении к представителям крупных западных агентств и к «нашим»?**

— Относятся, безусловно, ко всем по-разному. Но что касается профессионализма — российская пресса фору даст и американцам (им-то в первую очередь). Прежде всего потому, что они ни хрена не понимают в европейской действительности, в силу того, что они — американцы и мыслят своими стереотипами. Не понимают местных реалий. И объяснить им очень трудно, потому что до них это не доходит. Они так никогда не жили, и многие вещи для них странны.

Российских журналистов, работающих за рубежом, не так много. Максимум 3–5 человек в стране. Ну и, соответственно, попасть в эту обойму, остаться там очень непросто. Так что работают вполне приличные и квалифицированные люди, знающие страну, язык, традиции, обычаи этой страны. Знающие местный народ и местную тусовку — политиков, бизнесменов, журналистов и т. д. Поэтому отношение к бывшим СССРовским журналистам в странах Восточной Европы даже лучше, чем к испанцам или французам, например. Мы лучше понимаем эту действительность. Говорят

же: «Курица — не птица, Польша — не граница». Вроде, еще не там, но уже и не здесь. Поэтому для нас это все понятнее, мы реальнее воспринимаем все, что там происходит.

— **Ты в курсе, что сейчас происходит на твоём когда-то родном канале? На сегодняшнем РТР ты смог бы работать корреспондентом?**

— Однозначно ответить не могу. Но, скорее всего, нет. Объясню. Во-первых, радикально изменилась компания, это уже не то, что было раньше. Добродеев, придя на канал, полностью сменил кадровый состав, и не один раз. Все это отразилось на эфире, все это понятно. Конечно, это право любого начальника — менять кадры. Но чтобы так тотально вычистить журналистов! Могу сказать одно — мне жаль российских телезрителей. Как ни пытаются «Вести», им не удается получить нормальные рейтинги. Ты помнишь, какими были рейтинги «Вестей» в 1992–93 годах? Это было невероятно! В 1994 году появилось НТВ — все равно зритель отдавал предпочтение РТР! Сейчас «Вести» — совсем другая передача. Сейчас все стало серо — и телевидение серо, и личностей нет. Как

Евгений Ревенко не пыжится в «Вестях», его все равно не смотрят. Я, конечно, не Станиславский, но, когда смотрю «Вести недели», так и хочется сказать: «Не верю, Женя, что ни скажи, не верю!» Фигур на РТР не стало! Все нейтральные, серенькие, никакие, беззубые и невкусные. Скучно!

— **С РТР все понятно. Но на пенсию, как я поняла, ты поедешь в Прагу. Или все-таки в Минск?**

— Надеюсь, до пенсии пока далеко. Не знаю. Там видно будет. Хотя, вот честное слово, если сейчас бы что-то поменялось в Беларуси радикально — то я переехал бы сюда, даже не дожидаясь пенсии.

Когда в Хорватии умер диктатор Туджман — все! Кардинально другая страна! Рухнуло все — было семь спецслужб, они растворились. Даже люди на улицах стали другими — они научились улыбаться. Хорватия буквально за несколько месяцев поменялась просто на глазах. То же, я просто уверен, будет и в Беларуси.

Анекдот от Свиридова

Умер знаменитый, очень влиятельный журналист. Ангелы отнесли его душу на небо. Через два часа журналист очнулся у ворот рая. Святой Петр спросил:

— Кого ведете, ангелы?

— Журналиста.

— Уже нет мест, — и закрыл ворота рая. Ангелы понесли журналиста в ад. Когда его привели к воротам ада, все повторилось: мест нет. Что делать с несчастным журналистом? Ангелы перенесли его на покинутую планету. На второй день на планете стали выходить газеты. А еще через день журналист получил аккредитацию в рай и ад.

В России спорят...

Одним из характерных признаков начала прогрессивных преобразований общественных отношений является разгосударствление средств массовой информации. Существует прямая зависимость: чем больше в стране независимых СМИ, чем шире их идеологический и тематический спектр, тем глубже проникновение демократических основ в социальный организм.

Электронные СМИ — телевидение и радио — в наше время практически полностью завладели мировым информационным пространством. Они одинаково важны как для стран демократии, так и для авторитарных режимов. В первом случае — для укрепления и расширения реального народовластия, во втором — для уничтожения его зачатков через установление тотального контроля за умонастроениями людей, а в завершающей фазе — путем насаждения в обществе единомыслия на основе единой государственной идеологии.

Освобождение общества от пут единой государственной идеологии — основная задача средств массовой информации. Но для этого они сами должны выйти из-под жесткого

контроля государства. Особенно важно это для телевидения как наиболее массового СМИ.

Похоже, что понимание такой необходимости все больше овладевает умами и российских политиков, правоведов, специалистов в сфере информации. Там всерьез начинают подумывать о переводе нынешнего государственного или полугосударственного ТВ на рельсы общественного. По этому поводу в России активно дискутируют, спорят...
Статья Дмитрия Шкрылева «Общественное телевидение: об опасности формального подхода», которую мы решили поместить в журнале, — лишь одно из мнений. Но это — мнение просвещенного специалиста.

Ю. Т.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ:**ОБ ОПАСНОСТИ ФОРМАЛЬНОГО ПОДХОДА****Дмитрий ШКРЫЛЕВ**

Скажите нам, какое в этой стране телевидение, и мы скажем, в каком вы живете государстве. Приблизительно так подходят к вопросу о национальных вещателях в соответствующих комиссиях ООН и Евросоюза. Наличие государственного телевидения при этом считается признаком тоталитарного режима, а существование наряду с

коммерческими вещателями телевидения общественного принято считать признаком развитой демократии.

Западные модели в естественных условиях и на русской почве

Россия в Европе позиционирует себя как государство демократическое. Поэтому инициативная группа Союза журналистов

России при консультативном участии Европейского института СМИ занялась вопросами создания у нас столь специфического для нашей страны вещания. Полгода назад был учрежден Фонд развития общественного телевидения, изучаются зарубежный опыт и модели его осуществления, проводятся конференции. Результатом всей этой работы стало создание проекта Закона об Общественном телерадиове-

шании, уже внесенного в Государственную думу.

Основу существующих в 49 странах моделей общественного вещания составляет, прежде всего, социально ориентированная программная политика. Поддерживать ее позволяют специфические источники финансирования (например, абонентская плата или лицензионный сбор) и особая структура управления, подразумевающая включение общественных советов. Все это, как правило, закреплено в соответствующих указах и нормативных актах либо в специальных законах: о СМИ, о телевидении, об общественном вещании.

Закономерно возникает вопрос: какова вероятность того, что у российских телевизионных журналистов появится возможность создавать качественные, объективные, беспристрастные, всесторонние, неангажированные новости, аналитические программы и публицистику, а зритель получит по-настоящему общественное — свое — телевидение в России? Каковы гарантии того, что название «общественное телевидение» на этот раз сможет полностью соответствовать его сути, цели и задачам?

В США вопрос объективного и беспристрастного информирования неразрывно связан с проблемой достоверности, которая, в свою очередь, подразумевает не простую ретрансляцию журналистом фактов, полученных из различных источников, а постоянную перепроверку информации, поиск и расследование. Являешься ли ты репортером новостей или продюсером аналитической программы, именно способность подготовить материал любого жанра на основе собственного расследования определяет твою профессиональную пригодность. И речь не о суррогатах полукриминального характера, которые, к сожалению, как правило, попадают в рубрику «расследования» российского эфира. В сегодняшних США журналистское расследование — почти синоним рассле-

дования общественного, так как наличие в сетке даже коммерческого вещателя социально значимых передач является одним из основных условий получения лицензии.

Однако практика показывает, что и у них подготовка такого материала не всегда означает его появление в эфире в полном виде. Результат журналистского расследования продюсера «60 минут» Си-би-эс Лоуэлла Бергмана о сознательном внедрении наркотических добавок в производство сигарет одной из крупных американских табачных компаний был урезан таким образом, что не только снизился социальный эффект программы, но и была подвергнута опасности жизнь одного из информаторов журналиста.

Канал Пи-би-эс, куда Лоуэлл Бергман ушел после этого делать расследования, является общественным. Это сеть региональных и муниципальных телевизионных станций, созданная после принятия в 1967 году Закона об общественном вещании в США. Ее крупнейшим источником финансирования являются добровольные пожертвования частных лиц, и американцы воспринимают Пи-би-эс именно как свое телевидение. Когда партия республиканцев подняла вопрос об отказе от общественного вещания, мотивировав это тем, что не обеспечивается необходимое качество обслуживания, общество просто завалило Конгресс письмами в защиту телесети. Когда правительство штата Айдахо решило после серии нелюбимых для чиновников передач устранить общественное вещание в своем регионе, это стало поводом для подачи иска против целого штата.

Структуры финансирования

Возможность облеченных властью людей выступать против общественного вещания в США оказалась тесно связана с

вопросами финансирования. Качественное телевизионное производство стоит немалых денег, и добровольных пожертвований оказывается не достаточно для того, чтобы полностью покрыть расходы Пи-би-эс. Другие же финансовые поступления в основном складываются из субсидий правительств штатов и федеральных грантов, то есть распределение этих ресурсов находится в ведении чиновников и депутатов. Искушению воспользоваться таким рычагом давления как раз и противостоит то, что пока американское общество считает Пи-би-эс действительно своим телевидением — в том числе за эффективные социальные расследования.

Хорошо это или плохо, но стопроцентное финансирование социально ориентированного вещания самим обществом на сегодняшний день существует только в Японии, где такая модель сформировалась недавно. К этому также близки в Норвегии (99%), Швеции (98%), Дании (91%), Германии (82%) и, естественно, в родоначальнице общественного радио и телевидения — Великобритании (около 80%). За возможность смотреть качественные социально ориентированные передачи жители этих государств платят абонентскую плату или ее аналог — специальный лицензионный сбор, вносимый ежемесячно с момента покупки телевизионного приемника. Недостающие средства некоторые телекомпании этих стран восполняют за счет спонсорства: рекламы нет или почти нет, государственные субсидии тоже отсутствуют.

В то же время в моделях общественного вещания, например, Испании, Португалии, Франции и Канады для такого восполнения, как и в американской сети Пи-би-эс, предусмотрены государственные субсидии.

Авторы российского законопроекта об общественном телерадиовещании, учитывая низкий уровень доходов боль-

шинства жителей нашей страны, также предлагают финансировать у нас такое телевидение не только за счет абонентской платы и спонсорства, но и с помощью государственных субсидий — дескать, это тоже финансирование обществом, ведь мы платим налоги. И канал «Культура» в этой связи называется прообразом общественного вещания в России.

Общественное не значит высоколбое

Может быть, пока дело касается лишь культурно-просветительского вещания, такая точка зрения на финансирование может себя оправдывать. Однако практика показывает, что своим телевидением общество считает рассматриваемое нами вещание не за этот сегмент программирования. В Великобритании, например, два «элитарных» культурно-просветительских канала: оба имеют достаточно низкий рейтинг, но один из них — общественный (второй канал Би-би-си), другой — коммерческий, занимающий такую специфическую нишу, поскольку нишевое телевидение бывает весьма прибыльным. По словам директора по редакционной политике Би-би-си Стивена Уиттла, общественное телевидение, как и коммерческое, тоже определяет свой рейтинг по сравнению с другими вещателями, так как в силу своего названия просто обязано учитывать интересы своего зрителя. Но если коммерческий вещатель распределяет ресурсы только в сторону высокорейтинговых программ, то общественный, как правило, заполняет равным образом все социальные ниши, которые не охвачены каналами, созданными ради получения прибыли.

Иными словами, программная сетка, то есть содержательная сторона, каналов общественного вещателя уникальна, и у нее есть своя философия. Объективное и беспристрастное освещение любых событий без намека на тенденци-

озность государственных вещателей или крикливую сенсационность коммерческих — вот основа программной политики общественного телевидения. Телерепортер здесь — глаза и уши каждого зрителя, так как сама система общественного вещания изначально задумана для того, чтобы не было манипулирования информацией, монополии государства, коммерческих структур или отдельных лиц на информацию. Реально общественное вещание — это и есть преодоление такой монополии.

Структуры контроля

И здесь возникает дилемма. С одной стороны, мы не в Японии, жителям нашей страны, судя по реальным доходам на душу населения, стопроцентное финансирование своего телевидения обществом пока не осилить. С другой стороны, общественному телевидению в условиях нехватки денег трудно соблюсти стандарты качественного вещания. Поставить производство социальных (заведомо «нерейтинговых») программ так, чтобы конечный продукт был действительно интересен большому числу зрителей, — это стоит в несколько раз дороже многих чисто коммерческих передач. Следовательно, восполнять этот зазор тем или иным образом все равно придется.

И вопрос здесь не в государственных субсидиях как таковых. В конце концов, спонсорство («субсидии» бизнеса и политических структур, которые есть в той же Германии) тоже ничем не лучше и не хуже. К тому же, почти во всех моделях общественного вещания, в том числе на Би-би-си, предусмотрено участие государства имуществом в виде предоставления частот и оборудования — только в Нидерландах общественное телевидение арендует оборудование и частоты у коммерческих вещателей. Проблема в том, чтобы все эти дополнительные вливания от государственных и прочих

структур не становились инструментом влияния, так как в этом случае сама идея общественного телевидения фактически дискредитируется.

Чтобы общество и его телевидение не оказались заложниками политической конъюнктуры, в соответствующих законах Великобритании, Германии, США и других стран предусмотрена такая форма контроля, как общественный совет. Его функции как раз и должны состоять в том, чтобы вопросы финансирования и управления компанией общественного вещания не становились инструментом влияния, чтобы были соблюдены все стандарты качественного наполнения программной сетки и нормы журналистской этики. Иными словами, законом установлен не контроль отдельных чиновников или политиков за финансовыми и информационными потоками такой телекомпании, но контроль всего общества через дифференцированное социальное представительство в совете.

В Великобритании такие советы создаются в каждом регионе с учетом культуры, языка и разнообразных интересов живущих там людей. В Германии их формируют из представителей профсоюзов, религиозных и благотворительных организаций, всевозможных объединений рабочих, ремесленников, спортсменов, журналистов, экологов, психологов, деятелей науки, культуры и так далее. Во всех странах, где хорошо развито общественное вещание, зритель понимает, почему он платит за свое телевидение. К какой бы культурной, этнической, языковой, профессиональной, социальной группе он ни принадлежал, какую бы религию ни исповедовал, каких бы взглядов и интересов ни придерживался — если его права нарушены, его телевидение об этом расскажет. Такая уверенность поддерживается, прежде всего, наличием своего представителя в общественном совете, поскольку

принцип отбора в совет основан на репрезентативности общества, как в социологическом исследовании.

Авторы российского законопроекта несколько отходят от этого принципа, предлагая список из 15 категорий различных общественных организаций и объединений, которые только выставляют своих кандидатов в совет. Выбирать и утверждать этих кандидатов будут депутаты нижней палаты парламента путем голосования. Поможет ли все это вещателю избежать участи стать инструментом политических влияний и конъюнктуры? В состоянии ли будет этот совет выражать реальные пожелания простых зрителей в отношении вещания? Станет ли он союзником

тех журналистов, которые пытаются докопаться до истины? Будет ли вообще результативным сотрудничество совета с телекомпанией, генерального директора которой, согласно этому же законопроекту, назначает Президент?

Подобными вопросами задаются и сами авторы проекта. Другой закон, по их словам, сегодня просто не пройдет, не будет принят. К этому, конечно, можно добавить расхожую фразу о том, что какое у нас общество — такое и телевидение. Однако ради чистоты жанра было бы не лишним, делая телевидение для общества, создать условия для участия людей в этом процессе. Спросить у будущих зрителей — каким они представляют себе свое

телевидение. Не просто спросить, а предварительно полноценно, телевизионно показать, какие уже существуют модели такого вещания за рубежом, какие передачи выпускают журналисты соответствующих телекомпаний. Иначе просто странно будет, если некая модель общественного вещания, выпестованная в кулуарах топ-менеджерами, политиками и юристами, спустится однажды сверху нам с вами на голову. Ведь расплачиваться за все за это (и в прямом, и в переносном смысле), как всегда, придется обычным зрителям.

(Российский
аналитический журнал
«СРЕДА», 2003, N 1-2)

ЗАРИСОВКИ ЛИТОВСКОГО ПЕЙЗАЖА... ИНФОРМАЦИОННОГО

Что узнали белорусские журналисты на семинаре в Литве

Екатерина ПАСТУХОВА,
студентка 3-го курса
Белорусского колледжума

Законодательство о СМИ

Основным нормативным актом, регулирующим деятельность литовских средств массовой информации, является Закон «Об общественной информации». Он устанавливает явочно-нормативный, или уведомительный, характер регистрации. Средство массовой информации регистрируется в реестре предприятий Литовской Республики без какого-либо предварительного разрешения и, тем более, без печально известных нам «согласований». Единственное требование к учредителю: заплатить 200 литов (около 67 долларов США) за

Литва белорусским журналистам кажется почти райским уголком, редким на постсоветском пространстве. Еще бы, ведь, во-первых, вся пресса здесь негосударственная. Во-вторых, для регистрации СМИ необходимо лишь желание и средства на издание. Сегодня в Литве, где проживает 3,2 млн. человек, издается 365 газет и 415 журналов. И все находят своего читателя. Вещают четыре телеканала (один из них — национальный) и 47 FM-станций. Согласно социологическим опросам, средствам массовой информации доверяют около 70% населения.

Белорусские журналисты, участвуя в семинаре «Школа профессиональных журналистов», получили возможность познакомиться с сегодняшней ситуацией на рынке прибалтийских масс-медиа. Литовские коллеги поделились некоторыми профессиональными «секретами» и открыто обсуждали не только достоинства, но и недостатки в деятельности своих средств массовой информации.

подачу заявки — и начинать свое дело.

Согласно Закону, свобода общественной информации может ограничиваться не иначе, как «в соответствии с законами, которыми устанавливаются: 1) государственная тайна и ее охрана; 2) служебная тайна и ее охрана; 3) коммерческая тайна и ее охрана; 4) тайна о здоровье лица (медицинского характера) и ее охрана; 5) охрана прав человека, его частной жизни».

Характерно, что правительство, министерства, другие государственные органы не уполномочены своими правовыми актами сужать свободу общественной информации. Правовые акты, ограничивающие эту свободу признаются недействительными.

Важно, что каждый гражданин Литовской Республики име-

ет право на ознакомление со всеми официальными документами, за исключением тех, которые засекречиваются в установленном законом порядке. При этом должностные лица в случае их отказа в предоставлении информации обязаны не позднее чем на следующий рабочий день сообщить редакции об этом в письменной форме с указанием причин отказа. Ответственность за необоснованный отказ в предоставлении информации или за предоставление неверной информации устанавливается законодательством.

В соответствии с законом каждый гражданин Литовской Республики может обжаловать в суде решения или правовые акты государственных органов, а также иных организаций в случае нарушения или ограничения ими свободы информации.

Закон предусматривает возмещение морального ущерба за распространение сведений о частной жизни лица без его согласия либо за клевету. При этом установлен максимальный размер имущественных требований к редакции — 10 000 литов. В том случае, если издание принесет извинения или напечатает опровержение, суд, рассматривая это в качестве смягчающего обстоятельства, может

формации, однако срок приостановления не должен превышать для газеты — 30 дней, а для журналов — трех месяцев. По словам члена Союза журналистов Литвы Р. Эйлунавичуса, за последнее десятилетие в Литве была закрыта всего лишь одна газета, а такая мера, как приостановление деятельности издания, еще ни разу не применялась.

Профессиональная этика

Белорусским гостям небезынтересно было узнать, что в Литве принят и успешно воплощен в жизнь Кодекс этики журналистов и издателей. Он был утвержден в 1996 году собранием представителей основных журналистских организаций Литвы. В Кодексе закрепляются важнейшие моральные принципы деятельности журналистов. Среди них, в частности, такие:

«Журналист обязан передавать достоверные и точные известия, а также полный спектр мнений».

«Журналист должен приложить максимум усилий для получения информации из всех возможных источников, чтобы убедиться в ее достоверности, полноте и беспристрастности».

«Журналист не имеет права оказывать давление на источник информации или предлагать ему компенсацию при получении информации».

«Журналист может раскрывать источник своей информации. В этом случае он должен заручиться разрешением лица сослаться на него. Если источник не дает согласия, журналист не имеет права раскрывать его».

«Журналист должен отличать информацию, имеющую общественную значимость, от информации, удовлетворяющей общественное любопытство».

Литовские журналисты считают возможным публикацию слухов и сообщений анонимных авторов, но *«при условии, что*

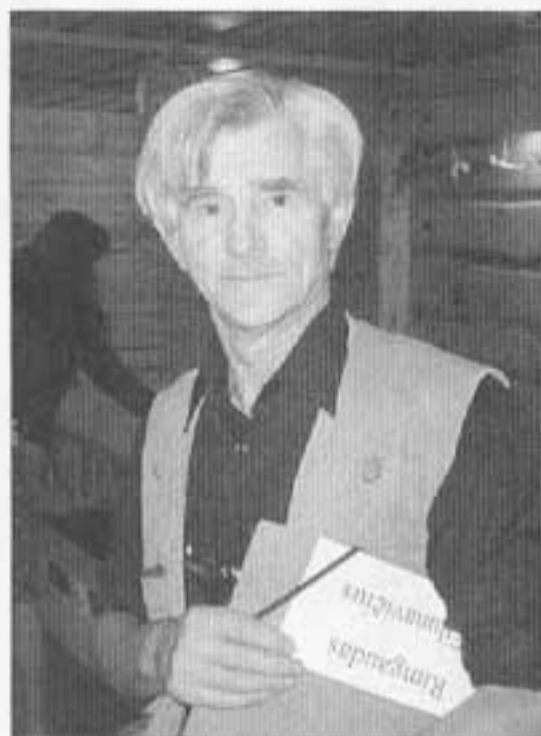
это может иметь серьезное общественное значение, — при обязательном обозначении материалов такого рода как непроверенных».

Арбитром в вопросах соблюдения этических принципов является Комиссия по этике журналистов и издателей. Ее главная задача — рассмотрение случаев нарушений правил профессиональной этики. Члены Комиссии избираются на собрании журналистских организаций сроком на два года, председатель — сроком на один год. Комиссия по этике журналистов и издателей выносит заключения о соблюдении или несоблюдении этических норм журналистом. При несогласии с заключением СМИ могут обращаться в суд. Однако в любом случае они обязаны напечатать в своем издании заключение Комиссии.

Следует отметить, что в Литве учреждена должность инспектора по журналистской этике. Он назначается Сеймом по представлению Комиссии. В его функции входит рассмотрение жалоб физических лиц в связи с оскорблением их чести и достоинства в средствах массовой информации. В случае обоснованности жалобы заявителя инспектор предлагает изданию опубликовать опровержение. Если этого не происходит, то он передает жалобу на рассмотрение в Комиссию по этике журналистов и издателей и участвует в ее заседании.

Размещение рекламы в прессе и на телевидении

По мнению литовских коллег, средства массовой информации серьезно зависят от рекламы. Имеют место случаи, когда издания продают «пустые страницы», площадь на которых может выкупить любая организация для размещения своих материалов. Как отметила директор Института журналистики Вильнюсского университета А. Нугарайте: «Когда двое со-

Р. Эйлунавичус:

«За последнее десятилетие в Литве была закрыта всего лишь одна газета...»

снизить размер возмещения морального ущерба до 1 000 литов (около 330 долларов США). На практике эта сумма не должна быть настолько высокой, чтобы газета, выплатив ее, прекратила свое существование.

Это тоже стало завидной новостью для белорусских журналистов. Ведь не ограниченные нашим законодательством суммы аналогичных исков стали причиной закрытия ряда газет.

По литовскому законодательству газету или журнал может закрыть только суд, и лишь в том случае, если будет установлен факт разжигания расовой вражды, национальной розни, пропаганды войны, посягательства на территориальную целостность государства, призывов к насильственному изменению конституционного строя. Только суд может приостановить деятельность средства массовой ин-

рятся, то побеждает тот, у кого есть свой журналист».

Для того чтобы уменьшить воздействие коммерциализации средств массовой информации, установлено правило, согласно которому спонсор не должен оказывать влияния на содержание оглашаемой информации. Если передача спонсируется (полностью или частично), то зрители должны знать об этом факте. Причем форма сообщения не должна стимулировать куплю-продажу, предложение услуг, осуществление отзывов рекламного характера.

Журналистам рекомендуют избегать в своих материалах высказываний, которые могут быть расценены как реклама. Представитель Литовского национального телевидения С. Пабединскас сообщил, что в телевизионных передачах зритель никогда не услышит выражений, типа: «Фирма А начала производство нового сорта сыра». Вместо этого прозвучит фраза: «Одна из литовских фирм начала производство нового сорта сыра», потому что в первом случае идет прямая реклама фирмы А и ее продукции.

Проблемы литовской журналистики

На семинаре неоднократно отмечалось, что зачастую качество литовской прессы и телевидения оставляет желать лучшего. Остро ощущается нехватка профессионалов высокого класса. Все больше изданий обращается к бульварной (таблоидной) журналистике, поскольку самым высоким спросом пользуется занимательно-развлекательная информация (интервью со знаменитыми людьми, подробности из мира шоу-бизнеса, криминал). Лишь около 3% читателей интересуются аналитическими материалами. По данным литовских коллег, структура «Lietuvos rytas» (бывшей «Комсомольской правды») выглядит следующим образом: 26% га-

зетной площади отводится новостям поп-культуры, 22% — политике, 18% — экономике, 18% — криминальной хронике и 16% — спорту.

Главный редактор журнала «Maņa ukiš» Д. Скарбалиене считает, что высокопрофессиональная журналистика вытеснит «бульварную» лишь тогда, когда педагоги, ученые, деятели культуры и искусства улучшат свое материальное положение настолько, что журналисты вынуждены будут повышать интеллектуальную составляющую своих публикаций.

Д. Скарбалиене, «капитал иностранных компаний легко может разрушить местный рынок рекламы, усугубить процесс коммерциализации новостей».

Одним из негативных последствий процесса глобализации средств массовой информации литовские коллеги считают использование западными компаниями практики «двойных стандартов». Это выражается как в размере оплаты труда журналиста, так и в его социально-правовом положении. Например, шведский концерн *Бонизр* заключает контракт с литовскими журналистами лишь на три месяца.

Влияние процесса глобализации на прессу

На семинаре прозвучала неоднозначная оценка прихода зарубежного капитала в средства массовой информации. В качестве бесспорных преимуществ данного процесса выступают уменьшение затрат на издание газет и журналов, необходимость придерживаться международного уровня профессиональных стандартов. В то же время у журналистов вызывает беспокойство угроза поглощения транснациональными концернами литовских изданий и телеканалов.

По словам главного редактора журнала «Maņa ukiš»

Вопросы, поднятые на семинаре, представляли большой интерес для молодых белорусских журналистов. Положение в сфере масс-медиа в Литве сегодня — это вероятный завтрашний день для Беларуси. Но для этого, как минимум, следует демократизировать действующее белорусское законодательство о средствах массовой информации, прививать уважительное отношение к этическим принципам профессиональной деятельности. При решении данных вопросов мог бы весьма пригодиться литовский опыт.

Все почти как у нас, но намного иначе

Юрий РУБАШЕВСКИЙ

Знакомство с местными достопримечательностями началось с забавного эпизода: на дороге лежал бесхозный и очень симпатичный кошелек. Мелькнула мысль: кто-то обронил. Невдалеке какая-то женщина. Может, она потеряла? Но вернуть предполагаемой владелице утрату не удалось — кожаная вещь быстро «поползла» к забору. Тут же за оградой послышался радостный смех, появились вихрастые головы мальчу-

ганов, удачно разыгравших трех взрослых дядей. «Все как у нас», — произнес один из попавшихся на нехитрую удочку детской забавы. Эту фразу мы еще не раз произносили, хотя были в другой стране. В Литве.

Ба, знакомые все лица!

Так уж получается, что журналисты, вернувшись из зарубежных поездок, в основном описывают городскую жизнь страны, в которой побывали. Ведь за границей мы чаще видим крупные (и не очень) города, и куда реже — деревни. На этот

раз все случилось наоборот: семинар, организованный для пишущей братии Союзом журналистов Литвы и Белорусской ассоциацией журналистов в рамках международного проекта «Укрепление демократических масс-медиа в Беларуси» при поддержке Европейской Комиссии, проходил в самой что ни на есть настоящей деревне. И упустить шанс узнать о сельской жизни соседей было бы непростительно.

Говорить о деревне Марцинконис, в которой проходил семинар, как о типично литовской, не приходится. Да и что такое типичная деревня? И в Беларуси село на краю Беловежской пуши может весьма сильно отличаться от поселка, разместившегося, скажем, где-то на Могилевщине. Но проблемы сельских жителей в одной стране не сильно различаются. А деревня Марцинконис интересна еще и тем, что находится практически в центре национального парка «Дзукиёс», в каких-то двадцати километрах от литовско-белорусской границы. Не потому ли и первое впечатление: здесь многое напоминает Беларусь. Для того чтобы понять эту похожесть, пришлось немного покопаться в истории деревни.

Хотя первое письменное упоминание о Марцинконисе датировано 1640 годом, местные предания относят ее основание к временам Витовта. По легенде великий князь Литовский Витовт (он некоторое время был только князем брестским и гродненским) отправил трех своих городничих найти в этих краях место для постройки замков, призванных стать преградой на пути крестоносцев. Один из городничих, Марцин, приглядел для возведения замка гору Дальгинис (в четырех километрах от нынешней деревни). Но Витовт выбрал другие варианты, а приглянувшуюся слуге землю ему же и подарил. По имени Марцина, поселившегося здесь, свое название получило возникшее вскоре подле горы поселение. Каких-то судьбоносных событий для страны в деревне за время ее

существования не случалось. Испокоин веков ее и окрестные хутора населяли западные дзуки — этнографическая группа литовцев (кстати, часть их живет и в Беларуси, в окрестностях Радуни и Вороново). Как сообщают литовские энциклопедии, дзуки до середины XX столетия

за гулаговские ссылки противников советской власти до и после Второй мировой войны, за раскулачивание и попытки русификации.

Многие из живших в Марцинконисе поляков (учителя, лесники, представители местной администрации) были высланы в Си-

сохраняли самобытность в одежде и питании, черты общинной жизни. И только после Второй мировой войны началось быстрое размытие характерных этнографических признаков, при этом во второй половине XIX — первой половине XX веков часть дзуков обелорусилась и ополячилась. После строительства в 1860-х годах железной дороги Санкт-Петербург — Варшава, которая проходила через Марцинконис, в деревне поселилось много евреев. Кстати, только кофеен содержали они здесь около полутора десятков. После Первой мировой войны и образования независимого литовского государства Виленский край (современный Вильнюс и значительные территории вдоль нынешней белорусско-литовской границы) был включен в состав Польши, и, как следствие, в деревне увеличилась польская диаспора.

Литовцы в подавляющем большинстве люто ненавидят Сталина. И за пакт Молотова — Риббентропа, приведший к ликвидации независимой Литвы, и

бирь. Во время войны фашисты уничтожили в гетто всех живших в деревне евреев — около 300 человек. После ее окончания в окрестных лесах еще долго действовали отряды сопротивления советским войскам («лесные братья» по эсэсэровской терминологии) — их семьи были высланы в Сибирь. Место сосланных и уничтоженных заняли выходцы из центральной Литвы и РСФСР, частично из Беларуси. И теперь среди 800 жителей Марцинкониса есть белорусы, поляки, русские. Но подавляющее большинство все же составляют литовцы. Только у многих из них фамилии какие-то узнаваемые. К примеру, об истории родной деревни рассказывал мне Йозас Корсакас. В одной из белорусских энциклопедий читаю, что Корсаки — шляхетский род в Великом Княжестве Литовском, и происходят из полоцкого боярства (один из представителей фамилии, известный униатский деятель Рафаил Корсак в 1630-х годах был архимандритом Кобринского Свято-Спасского монастыря, затем епископом Туро-

во-Пинской епархии). Да и в последнем телефонном справочнике Бреста насчитал десяток Корсаков.

Внешнее сходство Марцинкониса и деревень, скажем, в районе нашего Домачево, сразу бросается в глаза. Дома и тут, и там — словно близнецы. Уже в первый день, прогуливаясь по центральной деревенской улице Мишкининкас, пришлось буквально протирать глаза — передо мной стоял дом... моего тестя. Удивление заметил хозяин. Выяснив, в чем дело, при этом быстро перейдя на русский язык, Альгирдас пригласил войти. Внутри и планировка была знакомой, хотя мебель, естественно, стояла другая. Но на полу лежали половики точь-в-точь как в доме родителей жены.

А если зайти в местный этнографический музей, то вообще можно забыть, что находишься в Литве. Внутреннее убранство, кухонная утварь, орудия сельскохозяйственного труда, всевозможные бочки для хранения припасов практически ничем не отличаются от нашенских. Коллеги, живущие в центральных районах Беларуси, обратили внимание на практически полное отсутствие огородов возле домов — их место занимают газоны и цветники. Впрочем, и у нас в приграничных районах такое далеко не редкость. Причины такого «расточительства» вовсе не в тяге к высоким эстетическим стандартам или лениности хозяев. Земли здесь больше песчаные, и потому собранный на приусадебных участках урожаем зачастую меньше затраченных семян. Так зачем же делать бесполезную работу?

Увы, много общего и в таких вещах, от которых хотелось бы избавиться. Хотя на центральной улице Марцинкониса установлены урны для мусора, в окрестных лесах то и дело натываешься на импровизированные свалки. «Отдыхающих» под забором местных жителей, правда, увидеть не довелось, но возле лавочек, установленных в лесу, валяются пластиковые бутылки из-под пива и стеклотара от дешевого вина. Йозас Корса-

кас сокрушается: «Пить стали все-таки больше. Порой не понимаешь: и откуда у людей деньги? Есть несколько семей, которые получают только пособие по безработице, на воспитание детей, но муж, а то и оба супруга уже с утра покупают спиртное». В деревне остро стоит вопрос занятости. А большинство из тех, кто имеет работу, жалуется на низкую зарплату.

В один из дней заглянул на местный мини-рынок. Из «бусика» выгружался на первый взгляд весьма приличный товар. Но оказалось, что все это — секонд-хэнд, хотя вещи были тщательно вычищены и выглажены. Продавец, представившаяся Бирутой, рассказала: «Этой торговлей занимаемся уже несколько лет. Семья у нас с мужем многодетная, сами живем в Алитусе, это километров семьдесят отсюда. Вещи получаем в основном из Англии, Швеции, Финляндии. Тщательно готовим их к продаже. Посмотрите, они ведь как новые! Многие и надевались, пожалуй, только раз. А цены во много раз ниже, чем на новые изделия. Ездим по окрестным деревням. В одну и ту же приезжаем раз в полторы-две недели. Спрос есть — у людей мало денег на хорошую новую одежду, вот и покупают у нас».

Главный бич деревни — безработица. Колхоз, созданный в 1952 году, просуществовал только пять лет. На таких угодьях земледелием и животноводством без убытка можно заниматься только в частном порядке. Более-менее плодородные земли и пастбища расположены небольшими островками по всему огромному лесу. Многие жители работали в лесхозе, но в последнее время штат в нем значительно уменьшился. Если на лесопильном производстве раньше трудилось более 150 человек, то сегодня задействовано менее пятидесяти работников. Молодежь рвется в город, а то и вообще уезжает за границу, хотя, как известно, и там не всегда можно найти приличные заработки.

Многих выручает лес — сбор грибов и ягод является традици-

онным промыслом. В Марцинконисе действует три пункта приема лесных даров, цена постоянно варьируется. Например, на лисички за неделю она была 12, 10 (пошел дождь), 8 (на следующий день) и 11 литов за килограмм (по нынешнему курсу три литы соответствуют примерно одному доллару). По рассказам местных жителей, на грибах и ягодах некоторые семьи имеют более тысячи долларов дохода. Но далеко не всем так везет.

Федот, да не тот

И все же, если сравнивать жизненный уровень литовских и белорусских крестьян, то у первых он повыше. Это заметно даже по внешним признакам. В Марцинконисе работают три магазина — один государственный и два частных. Никто не будет завозить товар, который не пользуется спросом. Мы хотели

жил 49 наименований различных мясных изделий, 7 наименований хлеба (не считая кондитерских изделий), 14 сортов пива, дюжину наименований мороженого, 19 видов молочной продукции. «Вредные» товары были представлены также обильно — 38 видов спиртных напитков (от семи до 90 литов за бутылку) и 11 сортов сигарет. Кстати, дешевой «бормотухи» здесь не сыскать, а бутылка «среднекачественной» водки стоит 17 литов, пачка «LM» — 3,5 литы. Разница в цене на продукты питания тоже не в пользу литовского товара — по сравнению с белорусскими они дороже на 20–30 процентов, а порой и в два раза. Но ведь их покупают!

Продавец в государственном магазине жаловалась на низкую зарплату. У нее заработок составляет ту сумму, которую государство определило как минимальную (меньше при полном

купить безалкогольное пиво, но, несмотря на то, что в каждой из торговых точек ячменного напитка было не менее десятка сортов, нужного так и не нашли: продавцы в один голос утверждали, что мы — первые, кто в этом году им заинтересовался. Выставляют товар, который находит своего покупателя. Так вот, в одном из магазинов (ассортимент во всех примерно одинаков) на витринах обнару-

рабочем дне наниматель не имеет права платить) — это 430 литов. Правда, недавно правительство Литвы приняло решение об увеличении «минималки» до 450 литов, но больший доход продавец получит только начиная с августа. Заметим, что средняя зарплата в Литве сегодня составляет около 1200 литов, но ведь это — как «средняя температура» по больнице. Тяжело приходится молодым. Ингрида

Паулаускайте родилась и живет в Марцинконисе, заочно учится в Алитусском экономическом институте. Обучение платное, 1000 литов за год. Когда ездит на сессии, то снимает комнату за 100–120 литов в месяц. Остался еще год учебы, и сейчас Ингрида переживает, что стоимость обучения может вырасти вдвое: «Даже не знаю, соберу ли нужную сумму». Но никакой обреченности в глазах девушки не заметил. Кстати, летом она подрабатывает на полставки экскурсоводом при администрации заповедника «Дзукиёс». Полная ставка — 600 литов (200 долларов).

Многих выручает земля и леса, которые возвращаются бывшим владельцам или их наследникам. Например, 69-летний пенсионер Йозас Корсакас сегодня владеет 36 гектарами леса. Есть и несколько наследственных земельных участков, которые обрабатывает с помощью сына и мотоблока «гомсельмашевского» производства. Заповедник «Дзукиёс» был образован в 1991 году как государственный. Его площадь составляет около 60 тысяч гектаров, причем 92% территории занимает лес. А сегодня уже две трети леса находится в частном владении. Как говорят работники заповедника, к концу года почти все лесные массивы будут переданы бывшим хозяевам или их потомкам. В ведении государства останется лишь небольшой участок в Марцинконисе, административное здание и современный центральный офис с великолепной небольшой гостиницей, которые возведены два года назад на средства, выделенные по одной из программ Европейского Союза. Безусловно, государство не позволит уничтожить природное достояние страны. Но некоторые участки можно вырубать, а государство готово вновь выкупать частные наделы, брать частную лесную собственность в своеобразную аренду. Все это — прямой доход владельцу. По словам Йозаса Корсакаса, один гектар спелого леса на сегодняшний день оценивается до 5 тысяч литов.

Жители деревни, с которыми мы разговаривали, в один голос жаловались на невнимание государства к крестьянам. Но признавали, что частная инициатива не зажимается.

Природа в заповеднике действительно зачаровывает. За неделю мимоходом довелось поговорить с отдыхающими из Польши, Голландии, Швеции и Германии, по дороге мелькнули два «мерса» с российскими номерами. В гостинице мест немного (цена номера «люкс» — 170 литов, двухместного — 70 литов на человека в сутки). Но в деревне уже около десятка семей занимаются сельским туризмом — это и заработок хозяевам, и экзотика, и экономия приезжим (комната сдается за тридцать литов в сутки). Собственно говоря, совсем не «раскрученный» ранее лес (не сравнить со знаменитой Беловежской пушей) приносит отличный доход местным жителям. Ведь и три магазина, и множество великолепных сувениров из дерева, прекрасная керамика, кованные изделия из металла — все для туриста и пополнения кошельков марцинконисцев.

И еще один примечательный факт. На семинаре Дангуоле Скарбалиене, заместитель директора Института журналистики Вильнюсского университета, главный редактор популярного журнала «Мано икис», сокрушалась, что показатель компьютеризации сельского населения, которое составляет более трети всех жителей Литвы, едва превышает 5 процентов. Нам бы сегодня такие цифры! Но дело даже не в этом. Разговорился с двумя учителями местной школы — оказалось, что они проходят курс обучения преподаванию компьютерных технологий. Предполагается, что в течение года при помощи структур ЕС в Марцинконисе будет создан компьютерный центр: «Сегодня без компьютерных знаний никуда. Такие центры создаются и в других населенных пунктах. Мы уверены, что вскоре большинство трудоспособных жителей деревни овладеют компьютерной грамотой, а значит, получают больше возмож-

ностей приобрести новые специальности и найти хорошо оплачиваемую работу».

Обратной дороги нет

Практически все жители Марцинкониса, с которыми мы говорили, жаловались на трудности жизни. Многие вспоминали, что во времена СССР жили зажиточней. Но ни один из них, вне зависимости от социального статуса, не сказал, что желает возврата в Советский Союз. Связывают надежды со вступлением в Европейский Союз, хотя и побаиваются последствий этого шага.

В деревне на обычную антенну уверенно принимаются программы Белорусского телевидения — но белорусам литовцы не завидуют. Уважают по-соседски, сокрушаются, что у них выше цены — это так. Но при этом качают головой: «Да у вас же почти ничего не меняется». С ними можно спорить, но это — их мнение.

Из Марцинкониса уезжали 23 августа, на многих домах были вывешены приспущенные государственные флаги. Такие же мы увидели и в Вильнюсе. Этот день не значится в списке государственных праздников и памятных дат. Но вот уже более десяти лет многие литовцы таким образом отмечают День черной ленты (на древко выше флага прикрепляется соответствующего цвета полоса материи) — очередную годовщину подписания пакта Молотова — Риббентропа 1939 года. Большинство жителей Литвы считают этот пакт одной из самых трагических страниц в своей истории. Именно этот стовор диктаторов привел Литовскую Республику к потере независимости сроком на полстолетия. Вновь обретена желанная свобода практически одновременно с Беларусью. На пути к европейскому благополучию жителям Литвы, конечно же, придется перенести немало трудностей, но обратной дороги в социалистический «рай» они для себя в подавляющем большинстве не видят и не желают.

«Политика» Варшавы

Людмила ШЕСТАК

Суета, машины, стройки, серые обшарпанные дома, яркая наружная реклама, приделанная на эту обшарпанность, прохожие, велосипедисты, продавцы всего и вся... Блеск и нищета. Еще не Европа, но уже и не «совок».

Таким было мое первое впечатление от Варшавы, города, где мне предстояло провести целый месяц лета, чтобы пройти стажировку в польском журнале.

Честно говоря, до последнего находилась в неведении, что из себя представляет издание, где я буду работать. Знала только, что это еженедельник, вроде как солидный. Но не более. Подозрения в каком-то «подвохе» закрались уже на границе, когда «трясуший» всех таможенник, узнав цель моего визита в Варшаву, быстро вернул паспорт, пожелал счастливого пути и даже не взглянул на багаж.

Помню, тогда я подумала, что «Политика» у них сродни нашей «Советской Белоруссии». Только покажи «корочку» — везде тебе зеленый свет. Еще, помню, рисовала себе картину какой-нибудь приторной редакции, где все ходят в костюмах, смотрят друг на друга волком (как обычно бывает в больших конторах) и пишут очень умные и непонятные материалы, естественно, только о политике. Ну и, конечно, думала, что относиться ко мне серьезно никто не будет.

Что же оказалось на самом деле? Если интересно — можете почитать.

С КОРАБЛЯ НА БАЛ

Так как все сроки своего прибытия я нарушила, причем на два дня, то времени, чтобы отдохнуть с дороги, «почистить перышки», осмотреться, у меня не было. Пойти в «Политику» одна я все же не решилась, поэтому пришлось обратиться за помощью к знакомому и попросить его побыть ненадолго провожатым.

По дороге в редакцию мне была прочитана лекция о «правилах хорошего тона». Чтобы не выглядеть в глазах будущих коллег «неотесанной дубиной», мне следовало обращаться ко всем «пан» и «пани», через каждое слово говорить «дзенкуемэ» и «пшэпрашам» (спасибо и извините), даже когда это, по идее, не требуется, улыбаться и ни в коем случае не говорить на русском языке (мол, поляки русских терпеть не могут). Ну а так как польского я совсем не зна-

ла, «лектор» дал дельный совет: «Разговаривай по-белорусски, только уверенно, и все будут думать, что это польский, только с ошибками». Решила ему поверить. Как-никак парень уже пять лет в Варшаве.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, СПАСИБО, ИЗВИНИТЕ

Редакция «Политики» оказалась рядом с домом — всего в 20 минутах ходьбы. Большое шестиэтажное здание, бросающая красная вывеска, стеклянные двери, приятный улыбающийся охранник...

С паном Яцекком (редактором «Политики») мы столкнулись в коридоре. Я сразу призналась, что польским языком не владею, и предложила общаться по-английски. Но услышала шокирующий ответ (шокирующий, потому что произнесено

это было на чистейшем русском): «Абсурдно двум славянским народам разговаривать между собой на английском».

Впоследствии оказалось, что каждый сотрудник «Политики» владеет, помимо польского, как минимум еще двумя иностранными языками. «New York Times», «Financial Times», «BBC-news» и т. п. — хоть в какой-нибудь из наших редакций можно найти журналиста, читающего эти издания в оригинале? Можно, конечно, но с трудом. А там это — обычное дело. Всю информацию узнают из первоисточников.

ЗНАКОМСТВО

«Ну, рассказывайте, кто вы, чем занимаетесь в Минске, в каком издании работаете? Как вам в Варшаве?» — спрашивали коллеги, с которыми меня знакомили.

Чувствуя, что на меня возлагается чуть ли не дипломатическая миссия, я начинала повествовать про ситуацию в Беларуси: о проблемах независимых СМИ, о преследовании журналистов, о закрывающихся газетах, о родной «Беларускай маладзёжнай», о том, что после безнадежных поисков работы в журналистской сфере решила сменить профессию и уже полгода работаю в дизайне, и что я очень благодарна «Политике» за приглашение на стажировку, потому как могу хоть на месяц вернуться в свою любимую журналистику...

На удивление, о многом из рассказанного в «Политике» даже не слышали. И постоянно спрашивали: «Так что, у вас все журналисты без работы?» Сложно было объяснить людям, у которых мозг уже «испорчен» свободой слова, независимостью, рыночными отношениями и прочими «радостями демократии», что газеты-то есть, государственные, к примеру. Но работать там журналистам, ранее трудившимся в независимых изданиях, очень тяжело. Тяжело не в смысле трудности работы, а в смысле этичности этого занятия.

Один журналист из «Политики» даже спросил: «А что, по вашей этике нельзя работать там, где больше платят?» Я задумалась.

В ПЕРВЫЙ РАЗ — И В «ПЕРВЫЙ КЛАСС»

Проведя всего пару часов в громадной, многоэтажной, многокабинетной, многолюдной редакции, я уже ощущала себя европейским журналистом. Шикарные условия работы подкупали. Хотелось все «потрогать и пощупать», словом, быстрее влиться в рабочий процесс.

Долго ждать не пришлось. Редакторы моего отдела (международной информации) — обаятельный и всегда улыбающийся пан Марек Островский (оказывается, он еще и известный телеведущий одного политического ток-шоу), представительный,

Один из редакторов международного отдела «Политики» — пан Адам Шусткевич, оказывается, бывший хиппи

но с «чертиком в глазах», пан Адам Шусткевич (оказывается, бывший хиппи) — дали «добро» и показали мое новое рабочее место. В моем распоряжении оказались стол, компьютер, неограниченный доступ в Интернет, телефон и куча всяких радостей. В помощь прикрепили пани Агнешку — молодую и очень добрую девушку. Только разговаривала она или на польском, или на английском. Так что английский пришлось использовать, несмотря на «славянское родство».

Работа, которой «нагрузили» в первый же день, состояла в том, чтобы собрать и подготовить к печати информацию по так называемому «русскоговорящему регио-

ну». Я, по старой журналистской закалке (дурацкой привычке делать все в последний момент, поэтому делать быстро), слала свое первое задание к концу рабочего дня. Почему-то все в отделе удивились. Оказывается, эта работа была мне на неделю. Данное обстоятельство я быстро намотала на ус и следующие свои задания выполняла «с чувством, толком, расстановкой», никуда не торопясь.

УДИВИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО

Что ж, если времени на работу немножко больше, чем привыкла, то есть время и на «шпионство». Все-таки за пару дней «ступор» прошел, польская речь перестала быть такой непонятной, и можно было спокойно разговаривать. Сидя в курилке (не думайте, нам бы квартиры такие, как там курилки!), я потягивала кофе и слушала разговоры коллег (по-моему, во всех заведениях именно курилка — это место откровений). И что вы думаете? Я услышала хоть одну сплетню? Хоть одно «ворчанье» на начальство, сотрудников? Малейшее высказывание недовольства? Ничего подобного! Все разговоры — о работе, о статьях, о том, как бы лучше

написать то, что задумал. Да, о коллегах речь все же велась, к примеру, одно время очень беспокоились за корреспондентов, командированных «Политикой» в Ирак. (Последние, кстати, еще при мне благополучно вернулись и так интересно рассказали про свою поездку, что хоть бери и пиши с их слов еще одну статью.)

Присматриваясь и прислушиваясь, пришла к выводу, что люди в этой редакции чересчур добрые.

ОТ ХОРОШЕЙ ЖИЗНИ

Удивительное открытие сделала: когда оказываешься в Вар-

шаве один и надолго, почему-то пропадает желание заниматься студенческим «хулиганством» (дома это желание только крепнет) — к примеру, ездить «зайцем» в трамвае, переходить улицу на красный свет, «пионерить» пакетики чая с редакционной кухни или еще кое-чего кой-откуда... Вместо этих «мелких радостей» появляется необъяснимое желание за все по-честному платить и не досаждать окружающим несоблюдением каких-либо правил. Когда я впервые об этом подумала, срочно пошла за градусником — а вдруг жар?

Сейчас, конечно, понимаю, что подобное мировосприятие — это как ответная реакция организма на хорошие условия жизни. Почему бы и не работать на лицензионном софте, не покупать лицензионные диски, не платить за проезд и т. п., когда от этого в твоём холодильнике не убудет? Да еще когда работодатель для того, чтобы ты продуктивнее работал, дает машину, мобильный с оплатой телефонных разговоров, медицинскую страховку... Для сотрудников «Политики» все это — обыденные вещи. И глядя на такую самодостаточность, волей-неволей ее перенимаешь. Нет, определенно, жар.

НАШЕ ДЕЛО ПРЕДЛОЖИТЬ

В какой-то момент у меня появилось желание написать что-нибудь и про родную Беларусь. Вычитав мало-мальски стоящую новость, сразу спрашивала: может, вас это интересует? Ну не верила я, что можно быть равнодушным ко всему происходящему у ближайших соседей! И вот — новая информация про смену премьера, отставки, перестановки. В очередной раз я заглядываю к пану Мареку со своими идеями, но оказываюсь приглашенной на... лекцию.

Тема лекции — что интересует «Политику» (а это значит, и всех сознательных поляков), какое у них отношение к Беларуси и ко всему там происходящему. После долгого и детального экскурса в историю с анализом того, что «сложилось», а что «не сложилось» у двух наций, пан Марек вынес Беларуси вердикт:

«Ни в одной стране мира социализм себя не оправдал. Это заведомо дорога в никуда, лишнее «наматывание километров бешеной собакой» по дороге к нормальной жизни. И пока у вас вот ЭТО, вы нам не интересны».

Невозможно передать состояние человека, белоруса, который уже смирился с тем, что тебя не поймут, если ненароком обмолвишься, что Адам Мицкевич — это белорусский поэт, что былая Речь Посполитая — это не только Польша и т. п., но которому в довесок говорят, что пока у нас «социализм» — мы не интересны. Вот с этим смиряться мне совсем не захотелось. Потому что, какой бы ни был политический строй, про ЛЮДЕЙ забывать нельзя...

И тут я замечаю, что уже беседую тоном не «редактор — подчиненный», а «оппонент — оппонент»... По-моему, это уже болезнь — разговаривая о Беларуси, быть патриотом.

МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА

Не подумайте — поляки очень хорошо относятся к Беларуси и белорусам. Трудность заключалась только в том, чтобы доказать, что мы тоже можем быть «информационным поводом». Поверив мне на слово, редакторы дали «разрешение» на написание материала, правда, со словами: «Попробуй, посмотрим». Поэтому следующие две недели свое «лишнее» время я тратила на поиск интересной фактуры. «Перепахивая» Интернет, я давала в поисковиках различные запросы. Но на любые «ключевые слова» компьютер выдавал статьи исключительно о Лукашенко. Лучше бы и не бралась за эту тему. А то у меня даже сложилось впечатление, что в Беларуси, помимо президента, достопримечательностей больше и нет. Поэтому от затеи я на время отказалась, сказав, что лучше напишу материал на родине, где

фактуру можно «руками потрогать».

НО МЫ НЕ ПРОЩАЕМСЯ

Уезжала я с чувством, что покидаю свою семью, настолько близкими стали люди, с которыми проработала целый месяц. Все-таки и они не умеют до конца быть официальными на работе. Неформальные встречи, которых было много и разных, окончательно переменили мое отношение к полякам и Польше (которое, честно признаюсь, в первые дни было просто отвратительным). Все-таки они очень интересные, отзывчивые люди. По крайней мере, те, с которыми я была знакома (м-да, и чего я удивляюсь? Ведь знакома-то была с элитой).

А еще случилось страшное: после долгих разговоров о предназначении журналиста, о том, кто-когда-зачем-почему пошел в журналистику и как им там сейчас, во мне тихо, незаметно, но уверенно пробудилось желание снова начать писать, делать то, к чему лежит душа, невзирая на запреты, опасность, НЕвозможность. И самое главное — работать не где-нибудь, а на своей родной, любимой земле.

Як беларусы на сваю партызанскую сутнасьць не забываюцца

Алесь АНЦІПЕНКА

Няма такога беларуса, які б у сваім мінулым альбо цяперашнім жыцці ня быў партызанам. Гаворка ідзе тут, аднак, не пра таго партызана, што сядзіць у лесе, мае пры сабе стрэльбу й чакае, покуль прыйдуць «свае». Якраз наадварот — беларус ніколі й нікога не чакае: ні «сваіх», ні чужых. Бо сваіх мае заўсёды пры сабе, а чужых хто ж гэта чакае?! Але тыя ўсё адно прыходзяць.

І таму беларус — гэта партызан па жыцці. Як расейцы ніколі не заракаюцца ад торбы й турмы, так і беларус заўсёды гатовы пайсьці ў партызаны. І зусім не істотна, мірныя тое часы ці ваенныя. У самыя мірныя з усіх савецкіх часоў — застойныя — вядомы беларускі паэт Рыгор Барадулін пісаў: «У п'янку йшлі мы, як у партызаны». Так што вобраз партызана можна лічыць часткай беларускага «я».

Адзін мастак распавёў такую гісторыю. Сабраліся яны ехаць у Польшчу на выставу, прысьвечаную ўгодкам Сьцяпана Батуры, караля Рэчы Паспалітай. Склалі экспазыцыю, галоўнай

часткай якой быў бюст Батуры ў футравай шапцы. Паставілі той бюст на сядзеньне й выправіліся ў дарогу. Прыехалі на мяжу й пачалі праходзіць кантроль. Мытнікі адразу ж звярнулі ўвагу на Сьцяпана Батуру. Агледзелі яго й запыталіся: «Хлопцы, а куды ж гэта вы дзеда Талаша вязеце?»

І ўсё ж сапраўдная партызанка вядзе свой пачатак ад 18-га стагодзьдзя, калі на нашых землях зьяўляюцца першыя «тутэйшыя». «Тутэйшыя» — гэта акурат і ёсьць будучы партызан-беларус. Прыходзіць вораг і пытаецца ў беларуса: «Ты хто?» А ён адказвае: «Я — тутэйшы». Хто такі той тутэйшы — невядома. А беларус насамрэч замаскаваўся пад ляндшафт і як бы кажа: «Ну, што вы ад мяне хочаце? Расту я тут, як трава, таму й тутэйшы. Што вы да мяне, як да слупа, прычапіліся?»

І, каб ня выдаць сябе, любы праўдзівы партызан сьцьвярджае, што яго няма, што яго памылкова прынялі за кагосьці іншага. «Мая хата з краю, нічога ня знаю», «Я ня я, і хата не мая», — кажа беларус-партызан.

Партызанскую тактыку беларус ужывае заўсёдна. Паглядзіце, напрыклад, як адбываюцца ў нас самыя розныя маршы

й маніфэстацыі. У прызначаны час на месцы збору практычна нікога няма. Як і належыць партызанам, маніфэстанты й міліцыянты сядзяць у засадзе. Міліцыянты хаваюцца па дварох, а маніфэстанты прагульваюцца ўсцяж праспекту й робяць выгляд, што яны выпадковыя мінакі й нічога ня ведаюць пра акцыю.

Нарэшце пераапанутыя міліцыянты пачынаюць кучкавацца. Тое ж робяць і маніфэстанты. Фармуецца невялікая калёна, якая пачынае рух. Праз трыста-пяцьсот мэтраў яна разрастаецца да ўнушальных памераў. У яе ўліваецца вялікая колькасць маніфэстантаў, якія ў розных барах і кавярнях сядзелі дагэтуль у засадзе й цяпер выйшлі на вуліцу. У руках выпадковых мінакоў зьяўляюцца бел-чырвона-белыя сьцягі, і калёна набывае ўрачысты выгляд. Гэта падбадзёрвае маніфэстантаў, і яны пачынаюць выгукваць розныя лезунгі.

У гэты ж час пачынаюць трашчаць міліцэйскія рацыі, па якіх перадаецца інфармацыя пра колькасць маніфэстантаў. Інфармацыя надзвычай важная, бо на яе падставе прымаецца рашэньне, ці міліцыянты мусяць яшчэ сядзець у засадзе, ці яны

ўжо могуць прадпрымаць якіясь дзеянні. Як правіла, высвятляюцца, што лепш перасядзец у засадзе, бо разгрэтыя маніфэстанты хоць і ня колькасна, але ж якасна пераўзыходзяць міліцэйскія сілы.

Разгон маніфэстацыяў таксама адбываецца па ўсіх правілах партызанскай тактыкі. Маніфэстантаў заманьваюць у міліцэйскія кардоны й адлоўліваюць па адным. А паколькі міліцыя — усё ж такі рэгулярныя сілы, то міліцыянты, напэўна, усьведамляючы неадпаведнасьць партызанскай тактыкі на вуліцах беларускіх гарадоў, пачынаюць потым вельмі моцна куражыцца ў пастарунках.

Які ўсялякі сапраўдны партызан, беларус любіць лес, балота й прыцемкі. Лес ён называе сваім бацькам. У лесе ў яго шмат радні: «Ой, бярозы ды сосны — партызанскія сёстры», «Ой, ты, дуб малады», — сьпявае беларускі партызан сваю адвечную песьню. А самая любімая расьліна беларускага партызана — бульба. Бо бульба — гэта ня толькі харч, але ж найперш паратунак. «Хавайся ў бульбу», — кажа сабе беларус пры першай жа небясьпецы.

Апошнім часам у нашай краіне пачала разьвівацца новая плынь у мастацтве, якая мае назву «партызан-арт». Канцэптуалізатар гэтай плыні Артур Клінаў сьцьвярджае, што партызан — гэта пазасыстэмны герой. Што гэта азначае? Гэта азначае, што партызан — такі герой, якога можна разгледзец толькі ў прыцемках. На час прыцемкаў якраз і прыпадае найбольш актыўная фаза яго дзейнасьці. І менавіта прыцемкавая сутнасьць партызана выклікае да яго цікавасьць з боку прадстаўнікоў сучаснага беларускага мастацтва.

Адзін зь першых праектаў у гэтай плыні паўстаў недзе напрыканцы 80-х гадоў мінулага стагодзьдзя і меў назву «Лёгкі партызанскі рух». Праект быў падтрыманы Беларускім Фондам Сораса й мусіў быць зрэалізаваны. Адбылося, аднак, так, што ўлады вырашылі зачыніць фонд і распачалі правер-

ку ягонай фінансавай дзейнасьці. Найбольшую цікавасьць кантралёраў якраз і выклікаў праект «Лёгкі партызанскі рух», бо напачатку яны аніяк не маглі ўцяміць, што тое быў толькі праект сучаснага беларускага мастацтва.

Савецкая партызанка часткова зьмяніла ўяўленьні беларусаў пра саміх сябе й партызанаў. Ад тых часоў партызан для беларуса — гэта не зусім ён сам, а яшчэ й нехта іншы. А таму беларус часам палюхаецца ў сябе гэтага «іншага» й гатовы адмовіцца нават ад свайго. Напрыклад, можа адмовіцца ад сваёй мовы і тады пачынае лічыць, што ён як бы пе-

райшоў на легальнае становішча, і яму ўжо нішто не пагражае.

Але прыцемкавая сутнасьць беларуса ніколі не дае яму спакою, і ён можа зноў загаварыць на сваёй мове. Усё залежыць ад таго, як беларус вырашыць — знаходзіцца ён на акупаванай тэрыторыі ці не? Край наш забраны ці вольны?

Не забываецца беларус на сваю партызанскую сутнасьць. І ўсё ж, відаць, надые некалі той час, калі ня трэба яму будзе зноў ісьці ў партызаны.

А які сэнс?! Калі маеш сваю краіну, і ўсе вакол цябе — свае.

Радые «Свабода»

Уладзімір Чуглазаў працуе для чытачоў штотыднёвіка «Брэст-скі курьер». У яго творчасці добра праглядаецца сціплая, іранічная ўсмешка. Хаця насамрэч «карцінкі» нашага жыцця ён успрымае даволі сур'ёзна. Толькі потым, асэнсаваўшы ўбачанае, мастак бярэцца за аловак, каб падкрэсліць, завастрыць галоўнае. Глядзіш — і смяешся: з сябе, з іншых, з сітуацыі, якая склалася ў краіне, і з яе «стваральнікаў». Часам гэты смех скрозь слёзы...

Востры аловак, вострае пяро і вольны светапогляд. Тым жывем і будзем жыць.

- Будете голосовать
за левых или за правых?

- Алё, турагенство!
Если вернусь - всем
бошки поотрываю!

- Пиши
завтра -
заморозки!

Задание на осень

Государю, который сам не обладает мудростью, бесполезно давать благие советы.

Н. Макиавелли

Андрей СУЗДАЛЬЦЕВ

Косвенно провал затянувшегося интеграционного марафона подтвердила реакция пресс-службы администрации президента РФ. Было, в частности, заявлено, что комментировать ответ А. Лукашенко Кремль не будет, но и утечек информации не допустит. Что можно расценивать как прозрачный намек официальному Минску: «Давайте не будем выметать сор из избы. Пока еще не время!» Но белорусский президент, как известно, всегда отличался своеобразным отношением к общепринятым нормам

международного этикета. Так получилось и на этот раз — политическая целесообразность перевесила.

Послание было не только формальным ответом Кремлю. Оно еще выполняло и роль сигнала «SOS» для российских политических союзников: А. Лукашенко, надо полагать, требовалась поддержка для спасения своей версии интеграции. Возможно, был расчет, что КПрФ с союзниками адекватно отреагируют. Для этого, скорее всего, и появился 4 сентября на белорусских телеэкранах глава президентской администрации господин Латыпов. Любопытно, что имен-

2 сентября Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко направил Президенту Российской Федерации В. В. Путину ответное послание на предложения российского коллеги по процедуре подписания Договора о введении в денежное обращение Республики Беларусь российского рубля. Письмо улетело адресату, автор послания улетел в агрокомбинат «Снов», где обнаружил невероятный успех аграрной реформы. В России тем временем тоже подсчитали урожай: прикинули зерновой экспортный потенциал и попутно, получив ответ из Минска, уяснили, что парадная часть эры российско-белорусской интеграции, судя по всему, завершилась.

но Уралу Рамдраковичу — между прочим, россиянину по происхождению — и было поручено озвучить белорусскую интерпретацию послания Александра Григорьевича российскому президенту.

В версии г-на Латыпова ответ белорусской стороны превратился в длинный перечень требований. Во-первых, А. Лукашенко не против подписать соглашение о введении у себя российского рубля, но только при соблюдении всей формальной процедуры — обсуждение на Совете Министров Союзного государства, затем — на заседании Высшего Государственного

Совета, и как завершение процедуры — на САММИТЕ двух президентов.

Не стоит забывать, что нормальной двусторонней встречи в стандартном формате между президентами не было с января 2003 года. В Сочи они встречались «без галстуков», в Душанбе — только вежливо поздоровались. В принципе, полгода президенты России и Беларуси вообще не общались. А у А. Лукашенко накопилась масса проблем, главная из которых — поиск повода для будущего конституционного референдума. Тем не менее В. Путин, видимо, понимая, что в сценарии белорусского президента ему уготована заглавная роль гробовщика остатков белорусской демократии, держится от А. Лукашенко несколько отстраненно — общается только через посредников или в компании коллег-президентов.

Кроме того, не стоит забывать, что А. Лукашенко и без того подписал немало договоренностей с Российской Федерацией, но воз интеграции и ныне там. В этом случае нельзя не согласиться с заведующим отделом Беларуси Института стран СНГ Александром Фадеевым, который заявил 29 августа, что белорусский президент «поставит свою подпись под соглашением, но не выполнит его». России к этому не привыкать.

Возможно, что в формате саммита А. Лукашенко и подпишет соглашение о едином рубле. Но только в связке с Конституционным актом. На это прямо указал Урал Латыпов. Следующий акт белорусской драмы — изменение Конституции Беларуси отработанным способом. Это — ключевой момент. Он говорит о том, что сколько ни искали в Администрации президента РБ поводов для продления его полномочий, ничего лучше, чем принятие Конституционного акта Союза Беларуси и России, не нашли. «А без него отдельные соглашения, в том числе и по использованию единого рубля, реально действовать не мо-

гут» (У. Латыпов). Судя по всему, за Конституционный акт А. Лукашенко будет биться до конца.

Тут надо остановиться и оглядеться, так как политическое напряжение в данном месте ощущается просто физически.

Представим себе позицию россиян. РФ с целью включения РБ в рублевую зону инвестирует почти 1 000 000 000 (!) долларов США, что не только впервые за восемь лет пустопорожних разговоров переводит интеграцию в реальную плоскость, но и объективно стимулирует проведение реформ в Беларуси. Но некий господин, который, между прочим, уже вошел в политическую историю как талантливейший, скажем мягко, интерпретатор, годами греющий ручки на интеграционном огоньке, желает этот финансовый поток оседлать и обеспечить свое **личное** политическое бессмертие. Вот Кремль и видит в нем как бы лишнее звено, что Александра Григорьевича сильно обижает.

Но и россияне не в малой степени обижены. В Москве внимательно отслеживают разгоревшуюся в Минске дискуссию о введении единой валюты. Причем все прекрасно понимают — что бы ни говорили господа Вечерко, Лукашенко, Богданкевич, Лебедько, а вместе с ними и наши коллеги-аналитики о том, что в случае введения единого рубля Республика Беларусь будет автоматически инкорпорирована в состав Российской Федерации, в соглашении о единой валюте **нет ни слова** о политических изменениях в странах, его подписывающих. Если эти политические и государственные деятели говорят о **политических последствиях** использования суверенной республикой чужой валюты, то они реально **возможны**. Но тогда для чего вообще нужны республике власть и оппозиция? Ведь это они должны активно использовать весь имеющийся для таких случаев политический заградительный инструментарий. Это

их работа. В противном случае страна вполне может обойтись кучкой каркающих провидцев-нострадамусов: «Завтра будет еще хуже, а послезавтра — полный капут»...

Кремлю и российскому Белому Дому все это, конечно же, порядком надоело. Действительно, они и без того дают деньги, а их получатель норовит при этом еще и оскорбить, и в чем-то **возможном** обвинить. Так что же получается — деньги не нужны?

Но это, конечно, не так. Деньги не просто нужны — без них полная катастрофа. Ведь это только в «Панораме» БТ и в расщеченной «СБ» предстает белорусский земной рай в окружении чужих катастроф, «самолетопадов», взрывов и неурожаев. Поражает другое. В поведении белорусского президента давно определилась персональная тенденция, от которой корежит и трясет всю страну. Все мы эту тенденцию видим и понимаем, что она просто гробит страну, заодно превращая ее в международное посмешище, но ничего поделать не можем. Называется эта тенденция «пакетное соглашение». Для иллюстрации привлечем только широко известные факты.

Набившая оскомину история об инвестпроекте питерской «Балтики». Год торговались и согласились. Питерцы даже оборудование завезли, на базе которого «Криница» так быстро, весело и, конечно же, «своими силами» провела реконструкцию. Но в последний перед подписанием окончательного соглашения месяц А. Лукашенко откуда-то извлекает дополнительные обязательства, которые весь проект сделали абсолютно нереальным. «Балтика» ушла, а вместе с ней и сотни миллионов долларов возможных инвестиций по множеству иных проектов.

С малиновым колокольным звоном приступили к приватизации белорусской нефтехимии. Приглашали и тепло принимали в Минске президентов (олигархов) крупнейших российских нефтяных компаний.

Таинственно шептались, на бумажках цифры писали. В знак будущей братской нефтехимической дружбы россияне, играя нефтяными «мускулами», загрузили под «горлышко» белорусские НПЗ. Но за месяц до тендера А. Лукашенко меняет условия продажи — сокращает пакеты акций, цены поднимает до заоблачных небес. Итог — аналогичный истории с «Балтикой»: на тендере ни одной заявки.

Подписали в апреле 2002 года соглашение с РАО «Газпром» о поставке газа по цене пятого российского ценового пояса, пообещав взамен создать российско-белорусское СП на базе «Белтрансгаза». Успешно прожигаем уже вторую годовую квоту льготного газа, но за месяц (роковая единица времени) до заключительного акта оформления СП откуда-то с потолка кабинета белорусского президента ему на стол падает «рыночная» цена «Белтрансгаза» (при том, что ни одна акция «Белтрансгаза» никогда и нигде не продавалась) в 5,5 млрд. долларов, что всего в два раза меньше реальной рыночной стоимости всего мирового гиганта — РАО «Газпром». В перспективе для страны — полный коллапс, о чем мы поговорим ниже.

Возвратимся к телевизионному выступлению уважаемого У. Латыпова. Ему выпала «честь» зачитать длинный список все тех же дополнительных условий к уже подготовленному к подписанию соглашению о единой валюте. Чего только там нет — единое экономическое пространство (для белорусских товаров свободно — туда, и крепкий шлагбаум для российских — сюда), отмена таможенного оформления на российской границе (снова, как во времена «Торгэкспо», превратить Беларусь в главного российского контрабандиста), компенсация потерь Беларуси по налогам на добав-

ленную стоимость (а россиянам за белорусский реэкспорт российских льготных энергоносителей — кукиш?), единые цены на энергоносители *в полном объеме потребностей* Беларуси (реэкспорт ждет!), «возмещение потерь в связи с введением российского рубля на территории Беларуси» (это, надо понимать, за то, что россияне реквизируют суверенный высокопроизводительный денежный печатный станок). Особую элегантность таким «скромным» запросам республики придает то, что конкретные цифры и объемы «**потребностей**» не приво-

«честно и искренне», насколько скромнен белорусский президент, ему многого и не надо: только в личный фонд всю соседнюю страну — от Калининграда до Камчатки».

Но что тут поделаешь, такова логика конструирования белорусского «пакетного соглашения». Вот и известный сенатор Николай Чергинев заявил 2 сентября корреспонденту «Интерфакса», что введение единой валюты — «вопрос пакетного характера, который требует исполнения прочих договоренностей».

Итак, соглашения о введении

дятся, как и даты, когда белорусский президент будет наконец удовлетворен. По этому поводу россиянам остается сказать лишь одно: «Спасибо, Александр Григорьевич, что не потребовали перевести золотовалютный запас России в подвалы торопливо строящейся белорусской национальной библиотеки! Отдельное спасибо, что ограничили требования дани из Москвы только «златом и пушниной», а не рабами и «девицами младыми»! Признаем, господа,

российского рубля на территории РБ не будет. В этой связи поражает логика поведения белорусского президента. Понятно, что он использует старую как мир технологию зазывного базарного торга — манипулирование ценой и гирями. Ясно как день: он жаждет, чтобы с ним начали торговаться. Более того, рассчитывает, что сама процедура переговорного процесса, которая в каждом приведенном выше примере постепенно приходит как бы в стадию заверше-

ния, позволит ему оказаться в ключевое время в ключевой точке начала диктовки вероятному партнеру длинного списка дополнительных требований. Процедура дополнительной «загрузки» практически готовых соглашений белорусским президентом освоена в совершенстве. Но ведь он ни разу не добился успеха! После каждого очередного провала официальный Минск годами отписывается, «разъясняет», что его в очередной раз «неправильно понимают», что его «открытую и доброжелательную позицию извращают». Ну, сколько можно разбивать самому себе лоб! Ведь никакого здоровья не хватит...

Между прочим, стоит обратить внимание, что в ответе А. Лукашенко нигде нет даже замаскированного требования к Москве поддержать намерение белорусского президента провести референдум о праве избрания на третий срок. Почему? Да потому что глава белорусского государства на своем политическом поле не нуждается ни в каком одобрении или поддержке со стороны. Он считает вопрос о своем конституционном «пропуске» на президентские выборы 2006 года уже решенным. Его необходимо только легитимно (внешне) оформить.

Некий мифический «торг», который, мол, существует между Москвой и Минском, на мой взгляд, **целиком выдуман** некоторыми нашими коллегами-аналитиками. Для примера воспользуемся одним из их тезисов: «*Вся политика интеграции с Россией — это бесконечный политический торг. За кулисами мифического процесса «дальнейшего сближения двух братских народов» продолжается жесткая схватка политических интересов элит*». Надо же — «жесткая схватка»! Представляете, как «жестко» схватились бы, к примеру, их М. Касьянов и наш И. Сидорский? Просто жуть. К чему вся эта «лапша»?

По сути, такая позиция оппозиционной политологии мало

чем отличается от дымовых завес, напускаемых с Карла Маркса, 38. Стремление показать, что с Кремлем существует некий диалог с элементами торга, выливается в многозначительные намеки А. Лукашенко о «ведущихся в настоящее время сложных переговорах», в попытки навязать российскому и белорусскому обществу иллюзию о подавляющем влиянии «белорусского фактора» на политический предвыборный сценарий России 2003–2004 гг. (между прочим, еще одно распространенное заблуждение белорусской оппозиции). С частью оппозиции в полный унисон «поют» белорусские государственные СМИ. К примеру, заявляют такой бред: «В условиях, когда выборы–2003 могут превратиться в соревнование кошельков либо в занимательную игру в «пиар», велика опасность потерять доверие избирателя. Путин, являющийся автором управляемой демократии в России, не может допустить подобного развития событий. Вот почему он ищет живые идеи. Одна из таких, способных «вывести» российские вы-

боры, как это было не раз, — белорусско-российская интеграция» (Н. Васильева. «Не всякая грязь лечебная». СБ, 04.09.03). Нельзя не прокомментировать подобный «перл»: во-первых, и когда это, любопытно, успели уже реанимировать российско-белорусскую интеграцию до уровня «живой идеи»? До последнего момента, во всяком случае, после заявления белорусского президента в Орше и Давид-Городке, от этой «живой идеи» за версту несло мертвечиной. Во-вторых, в какие такие времена идея интеграции «не раз» «вывозила» российские выборы? В 90-е («ельцинские») годы она была, пожалуй, одним из важных факторов, но не более. После 2000 года интеграционная идея вообще съехала на «второй ярус» политически продуктивных идей. Но тем не менее такого рода абсурд продолжает гулять по страницам и сайтам белорусских СМИ. Эта болезнь имеет свое название — местечковое политическое чванство, сродни раздуванию зоба жабы на болоте. Притом заболевание это инфекционного характера.

Но вернемся к президентской переписке (со временем ее обязательно надо издать). В. Путин быстро и оперативно ответил А. Лукашенко, но ответ Кремля оказался **асимметричным**: буквально через день после отправки письма В. Путину на стол руководству «Белтрансгаза» лег фирменный конверт РАО «Газпром» с письмом от **личного друга** российского президента Андрея Миллера.

Более двух месяцев белорусское руководство развлекалось коллекционированием писем из РАО «Газпром». Российские газовики слали и слали в Минск вполне корректные письма-напоминания о том, что неуступчивость Минска в вопросах оценки «Белтрансгаза» разрушает основу апрельского соглашения 2002 года, что нарушается ранее согласованный график создания СП, и т. д. Минск демонстрировал несговорчивость, так как был твердо уверен, что Москва не пойдет на резкое изменение газовой политики в отношении Республики Беларусь в период думских и президентских выборов — «белорусский фактор», мол, «вывезет». Не вывез.

Господин Миллер пишет, что апрельское 2002 года соглашение мертво, так как «разногласия являются непреодолимыми, и работа по созданию совместного предприятия не может быть завершена». Вину за такой финал теперь уже газовой «Балтики» господин Миллер возложил на белорусскую сторону. Результат: виновник с 1 января 2004 года, скорее всего, будет платить за газ по общепринятой коммерческой цене.

Между прочим, еще 18 августа Чрезвычайный и Полномочный посол РФ в РБ А. Блохин заявлял, что «формально невыполнение белорусской стороной одного условия *пакетного соглашения* (апреля 2002 г.) может привести к денонсации соглашения, а значит, и пункта, по которому российская сторона поставляет газ по цене 5-го пояса. Но такие вещи формально никто не решает. Здесь дол-

жно быть принято политическое решение на самом высоком уровне». Следовательно, решение на «самом высоком уровне», вероятно, уже принято. Более того, можно смело утверждать, что решение это принято давно, а ответ А. Лукашенко В. Путину от 2 сентября лишь выполнил роль спускового крючка.

Чем изменение российской газовой политики в отношении РБ может обернуться для нашей экономики? Ответ однозначный — всеобщим коллапсом, который подоспеет к холодной мартовской поро 2004 года.

Во всяком случае, трудно разделить оптимизм искренне уважаемого автором этих строк видного белорусского экономиста Л. Заико (интервью газете «Коммерсантъ» N 160 от 05.09.03), считающего, что данное событие «не вызовет катастрофы в экономике страны». Более того, по его мнению, поднятие цены газпромовского сырья на треть (до уровня цен «Итеры») не окажет разрушительного воздействия на белорусскую экономику. В худшем случае, дескать, к разряду убыточных добавится еще 9–10% предприятий. К сожалению, это не так. Это задача из области маркетинга — науки темной и сугубо рыночной.

Вот мы и попытаемся решить эту задачку. Хотя бы умозрительно. Итак, если имеются два соседних и **не сообщающихся** между собой рынка потребления неких *дров березовых*, то на них, естественно, будут сформированы и свои отдельные цены. На соседнем, южном, полено идет за 70–80 тугриков, а на нашем, у двух продавцов-коммерсантов — по 40, но у основного «лесника»-оптовика полено по 30. Скупые коммерсанты не прочь поднять свою цену до уровня соседей-южан, но «лесник» особо «дружит» с покупателем, да и дров у него видимо-невидимо, так что сильно не разгуляешься.

Но вдруг «лесник», разругавшись с покупателем, решает вернуться в лоно рыночной стихии и устанавливать цены на равных с соседями-коммерсанта-

ми. Какая будет цена на рынке? Правильно — такая же, как у жадных соседей-южан. Или мы рассчитываем, что коммерсанты вовсе даже не коммерсанты, а некие влюбленные в нас по уши спонсоры, которые действуют вопреки пожеланиям своих акционеров и советов директоров?

Но главный вывод заключается в том, что интеграция и в газовой отрасли завершилась, так толком и не начавшись. Для «Газпрома» «братская Беларусь» оказывается в общем ряду прочих Эстоний и Молдавий — простых потребителей российского углеводородного сырья, с чем мы себя и можем поздравить.

Пора подводить итоги. Интеграция между Россией и Беларусью по стечению объективных и субъективных обстоятельств в 2002–2003 годах превратилась в двухголовую гидру — Змея Горыныча («Белтрансгаз» и российский рубль). Но наш славный Александр Муромец обе головы триумфально снес. Но дальше-то что? Ведь никто этого не знает. Даже мудрый «сенатор» Н. Чергинев, который 5 сентября появился на экране ОНТ и с возмущением заявил, что «Газпром», отказавшись от соглашения апреля 2002 года, не учел, что «так с Беларусью поступать нельзя». Правильно, с Беларусью нельзя. А с Россией можно? Ведь апрельское соглашение было также «пакетное», но его-то нарушил не кто-то другой, а именно А. Лукашенко.

Если белорусскому президенту «все можно», то что он собирается делать в ближайшие дождливые и скучные осенние месяцы с непокорной Москвой, с собственным будущим референдумом, с прочими ближними и отдаленными предначертаниями и планами? Какое у него задание на осень, на неотвратимую зиму (пошли нам Боже ее потеплее!), на бурную весну? Что и говорить — задачка не из легких. Вот только будет ли найден на нее ответ? Единственно правильный...

Редакционный Р. С.

Вялотекущие переговоры продолжатся...

Статья Андрея Суздальцева «Задание на осень» написана Андреем... недели за две до сочинской встречи В. Путина и А. Лукашенко. Верстая номер, мы испытывали некоторые опасения из разряда: «А вдруг?»

«Вдруг» не состоялось. С точки зрения профессиональной, нам остается лишь поздравить автора «Задания...» с достаточно точным вариантным прогнозом. С точки зрения гражданской, поздравлять некого и не с чем. Судя по всему, «союзная» интеграция не просто подошла к нулевой отметке, но после многочасового «чаепития в Сочи» по формуле «тет-а-тет», пожалуй, уверенно пошла в минус.

В положении вынужденных наблюдателей, которые никак не могут повлиять на ход событий, подмывает заметить: «Ну, не о том разве писали-предупреждали? Расхлебывайте теперь сами! Нам от этого ни холодно, ни жарко». Не полу-

чится. Потому что будет холодно. Очень. И что вполне возможно — голодно. Не согреет и не накормит даже предстоящее (наверняка!) бурное и долгое выяснение: кто виноват? То ли это коварные российские злодеи-анонимы, черт-те что творящие «за спиной» российского президента, то ли — «что-то не совсем и не все понимающие» белорусские стратеги создания «невиданного до этого государства». Можно не сомневаться, что в процессе поиска ответа на этот вопрос активизируется и поиск врагов — внешних и внутренних, что эта «увлекательная» работа будет набирать обороты.

Списки «врагов государства и народа» готовы давно. Внесены в них и независимые СМИ, и журналисты, которые почему-то не желают воспринять и взять на вооружение «единственно правильную идеологию», недавно открытую в нашей стране. Есть в списках общественные организации демократической и правозащитной ориентации — за них уже взялись всерьез и приканчивают одну за другой. Судьба придушенных оппозиционных политических партий тоже предрешена. Можно не сомневаться, что по мере приближения даты какого-нибудь судьбоносного мероприятия (выборы, референдум) и для них будет перекрыта даже та жалкая струйка кислорода, которая пока что позволяет им сигнализировать: «Мы скорее живы, чем мертвы».

Сочинские переговорщики заверили, впрочем, что российско-белорусский интеграционный диалог не закончился на берегу Черного моря и будет продолжаться во благо, конечно же, двух братских народов. Но уже предельно ясно: дружба дружбой, а табачок врозь. То есть, уважаемый, останемся при своих интересах. И в экономике, и в политике мы приходим к тому, с чего следовало бы начинать — с установления деловых (прагматичных) связей между двумя ближайшими соседями, волею исторической судьбы обреченными на сотрудничество, если хотите — на дружбу, как принято говорить, домами. Но только отдельными домами!

Как, на каком фундаменте, из чего мы будем строить свой новый Белорусский дом — это сугубо наше дело. Так сказать, внутреннее. Вот только не пришлось бы спустя какое-то время вновь рушить его, чтобы расчистить площадку для очередного строительства. Страшно подумать, но, похоже, именно к этому мы и идем...

Ю. Т.

Превозмогаая рассудок

(сага о картошке)

Я не хочу, чтобы в нашем отечестве что-либо росло и рождалось без моего позволения... Все, что вырастает мимо меня, — вои!

Козьма Прутков. Драма «Торжество добродетели»

Александр ЕГОРОВ

Все началось, в общем, с обыкновенного. Официальные средства массовой информации радостно растиражировали слова главы государства о том, что мы должны экспортировать в Россию не менее пяти миллионов тонн картофеля урожая нынешнего года. То есть, если я правильно понял, мы готовы оказать нашей неуклюжей партнерше по интеграции существенную продовольственную помощь. Так сказать, выступить в привычной для нас роли защитников и спасителей России. И это не пустые слова, господа хорошие.

Что такое пять миллионов тонн картофеля? Возьмем, к примеру, нашу соседку Польшу. Знаете ли вы, сколько картофеля в год съедают поляки? Сообщаю: как раз те самые пять миллионов тонн. Польшу населяют без малого сорок миллионов человек. Таким об-

разом, мы готовы поддержать, спасти, если угодно, не менее сорока миллионов россиян от голодного прозябания. Если же учесть, что покупают картошку в основном горожане, то сорок миллионов россиян — это половина городского населения страны. Именно для них, горожан, мы должны создать обстановку продовольственной безопасности.

Из этого можно сделать интересный вывод: это не Беларуси нужна интеграция с Россией, а совсем наоборот — России с Беларусью. Сомневаетесь? Тогда будем считать.

Россия, как известно, страна уже почти рыночная. Если там ощущается такая катастрофическая нехватка «второго хлеба», то, в соответствии с законами рыночной экономики, цена на него должна определяться спросом. Схема простая: спрос высокий — предложение низкое — цены запредельные. Российское государство цены на продукты, в том числе на картошку, не устанавливает. Следовательно, мы можем предположить, что картофель в России дорог. И пять миллионов тонн наших клубней должны сбить тамошние цены, опять-таки в полном соответствии с неумолимыми законами рынка. Согласны? В таком случае вопрос: сколько стоит килограмм картошки в России? По большому секрету

сообщаю: безумно дорого! Для примера, в городе Мурманске, не в самой южной точке Российской Федерации, цена на клубни в среднем десять рублей за кило и в марте, и в сентябре. Поскольку в Мурманске и его окрестностях картошка не произрастает, то ее туда завозят. И получается, что цена за килограмм аж целых тридцать центов (\$0,3)! Представляете себе эту дикую дороговизну, которой добивают несчастных россиян в той Мурманской области? И это при средней заработной плате по России в 5400–5600 рублей (\$165–180). К тому же эта мерзкая рыночная экономика совершенно развратила российского потребителя, и он предпочитает покупать картофель не просто чистый, но еще и расфасованный. Подавайте ему, видите ли, мировые стандарты.

Итак, первое, что мы установили: «второй хлеб» в России, в частности, на ее Севере, немислимо дорог. Просто до смешного. Перед нами поставлена задача экспортировать россиянам пять миллионов тонн. Это должно сбить цены. Вопрос: до какого уровня? Логично предположить, что, по меньшей мере, до нашего, белорусского, чтобы у них было так же радостно, как и у нас. Для этого цена поставки должна быть... Как вы думаете,

какой? Объясняю для непонятливых.

Польские фирмы продают в Россию картофель по цене 10–11 центов за килограмм на границе с Россией. Картофель, между прочим, отборный. Далее следуют так называемые «накрутки» к цене поставки, в которые входят расходы на транспортировку до места складирования, расходы на хранение, на заработную плату, торговые надбавки... Иначе

ладно. Предположим, что россияне из чувства собственной ущербности возьмут нашу бульбу по десять центов. Сколько это получается в пересчете на полноценные белорусские рубли? Правильно, по 210 рублей за кило. Если же умудримся всучить, простите за выражение, по двенадцать центов, то это аж 250 рублей.

Господа покупатели! Славные труженики сельского хозяйства! Вы видели картофель

фель будем продавать в Россию только с прибылью для нашего села и, соответственно, для нашего государства. А как же иначе? Иначе нельзя! В таком случае, вновь подсчитываем.

Государство должно иметь с этих десяти центов навар? Безусловно. Не слишком греша против истины, назовем десять процентов, или один цент. В противном случае, извините, на кой... резон вообще

говоря, поляки знают, что их цена для россиян предельная. Опять же — рынок. Спрос и предложение. Значит, если мы хотим утереть нос Польше, мы должны не выходить за рамки их цены, а еще лучше — продавать на цент дешевле, скажем, по девять центов. То есть — задумим демпингом наших западных братьев. Вот только фасовка может потребовать дополнительных затрат. Ну да

в нашей розничной торговле по такой цене? Нынче «красная» цена отборному картофелю никак не меньше 700–800 рублей, а то и больше — и на рынке, и в магазине. Продавать ниже — себе в убыток.

Но и это еще не все. Памятуя недавние высказывания нашего лидера о необходимости поднять деревню, мы просто обязаны верить в то, что карто-

заниматься этим экспортом? В таком разе закупочная цена у сельского хозяйства должна быть... А вот и не угадали — не девять центов. Ведь надо еще учесть расходы на сортировку, складирование, хранение, транспортировку и так далее. Мы же не за один раз поставим все пять миллионов тонн, а постепенно, подекадно, помесечно... Следовательно, чтобы получить свой гаранти-

рованный «гешефт» в десять процентов, государство должно закупить у села картофель по шесть центов, или по 125–130 рублей за килограмм. Естественно, что и у сельского хозяйства надо брать не по себестоимости, чтобы не оставить селян в убытках. Ну хотя бы пяток процентов прибыли надо им дать? Надо! В итоге получаем: себестоимость килограмма у нас целых 120 рублей! И это есть не что иное, как показатель потрясающей эффективности нашей социально-экономической модели!

Кто-то, я это чувствую, потрясенно прошепчет: «Позвольте...» Не позволю. Что такое 120 рублей? Друзья мои, это же поэма, сага на политэкономическую тему.

Цена килограмма картофеля в БССР в 1990 году составляла 0,12 рубля за килограмм. За эту цифру я отвечаю. Курс доллара, установленный Госбанком СССР в 1990 году, — 1,67 рубля за доллар. Следовательно, цена килограмма — семь центов. Доллар, как известно некоторым, обесценивался и обесценивается. Среднегодовой темп инфляции — 2,5 процента. Таким образом, за тринадцать лет набежали 40 процентов, и семь центов превратились в десять. Нынешние 120 рублей, по курсу Нацбанка РБ в 2100 рублей за один USD, — это 5,7 цента. Добавим сюда пять процентов рентабельности — и мы получаем цену в 6 центов, или 125–130 рублей за килограмм. Собственно, об этом и были мои предыдущие рассуждения. При такой закупочной цене сей продукт можно запросто экспортировать в Россию. И еще куда угодно...

Если этому верить, то по всем показателям эффективность картофелеводства в стране повысилась в сравнении с 1990 годом в 1,66 раза! Вперед, на Россию! Пусть польский фермер-неудачник

плачет от безысходности и от зависти. Ибо Польше даже в самых сладких снах не снился объем экспорта картофеля в 5 миллионов тонн. Да еще и по таким смешным ценам.

Но давайте переведем дух. Повторюсь еще раз, что именно при закупочной цене в шесть центов Беларусь может рассчитывать на экспорт картофеля при условии соблюдения определенных экспортных стандартов.

Сколько республика производит картофеля и сколько из него приходится на долю личного подсобного хозяйства (ЛПХ)?

В минувшем году было произведено 7,4 млн. тонн, из них 6,8 млн. тонн — в личном подсобном хозяйстве. Представляете, частник на своих сотках произвел 92 процента стратегического продукта! А если бы у него были гектары?

Еще немного статистики для иллюстрации производственного процесса.

1990 год: из общего объема произведенного картофеля в республике (8,6 млн. тонн) 4,7 млн. тонн — доля личных хозяйств (55%).

1993 год: общий объем — 11,6 млн. т, 8,7 млн. т — ЛПХ (75%).

1994 год: общий объем — 8241 млн. т, 7 млн. т — ЛПХ (85%).

И вот — прошлогодний рекорд: доля частника — 92%! Простите, а чем занимались колхозы — совхозы?

Перед нами вся эффективность нашей особой модели хозяйствования: личное хозяйство демонстрирует удивительную стабильность, общественное же, находящееся под неусыпным государевым оком и руководством, являет образец патологического упадка. Вывод простой, как грабли: сельский житель знает, что если он о себе не позаботится, то на государство ему рассчитывать не приходится! Оно его

бросило один на один с его картофельными плантациями, где нет места технике и современным технологиям, а преобладает ручной труд с характерной позой в борозде. Впрочем, так не только с картошкой...

По прогнозам, валовой сбор картофеля в нынешнем году ожидается на уровне 7–7,2 млн. тонн. Можно предположить с большой долей уверенности, что подсобка даст не меньше прошлогоднего объема. Почему? Да потому что сегодня на подворье у нас почти 60 процентов поголовья коров и свыше 70 процентов — свиней. А основной корм свиней — картошка. На их содержание в личном хозяйстве в год уходит не менее двух миллионов тонн картофеля.

Треть клубней надобно заложить на семена — это еще 2,5 млн. тонн. Итого уже 4,5 млн. тонн. С учетом сложившейся структуры потребления продуктов питания, мы сегодня в год съедаем не менее 2,5 млн. тонн картофеля. Вот вам и 6 млн. тонн. Но картофель идет еще и на различные технические нужды. В частности, слово СПИРТ вам говорит о чем-нибудь?

После этих нехитрых подсчетов самое время возвратиться к тем мифическим пяти миллионам тонн картофеля, которые должны, по мысли нашего главного экономиста в сфере сельхозпроизводства, предупредить голод в России, а заодно пополнить наши экспортные доходы. Где, у кого мы отыщем эти тонны? Не возвращаться же, в самом деле, в бурную эпоху продотрядов, когда дядьки в кожанках с горящим взором спасителей революционных завоеваний, размахивая «маузерами», отнимали последнее у селян. А кое-кого из «упартых» и на огороды уводили. Вот ведь какая интересная политэкономия получается.

Об особенностях журналистского образования и персональной позиции журналиста

С приходом на постсоветское пространство западных стандартов журналистики в среде журналистов — и теоретиков, и практиков — permanently разгораются бурные дискуссии. В основном они касаются личностного подхода к журналистике. Западные стандарты практически исключают личное участие журналиста в событиях. «Факт, факт и только факт!» — говорит западная школа журналистики.

Сергей ПУЛЬША

Причем зачастую журналисты-теоретики придерживаются именно западного взгляда на профессию: «Политику должен комментировать политолог, экономическую ситуацию — экономист. Иначе как читателю понять, что автор материала ничего не напутал? Пусть журналист гоняется за фактами — это его профессия!» Журналисты-практики против такой позиции возражают: «А куда вы денете публицистику?»

Этот спор может продолжаться веками. Но все дело в том, что у нас — другая система обучения и даже... другая система жанров. Резкое сужение журналистской профессии исключительно до репортерства эту систему обучения просто убивает.

Возьмем, к примеру, лекции по теории журналистики Ири-

ны Кадыковой, опубликованные на сайте «Медиаспрут» (www.mediasprut.ru). Она (равно как и все преподаватели журналистики) выделяет в особый подвид журналистской деятельности «художественно-публицистические жанры». По ее мнению, в этих жанрах «конкретный документальный факт отходит на второй план. Главным становится авторское впечатление от факта, события, авторская мысль. Сам факт типизируется. Дается его образная трактовка».

«В очерке факты преломляются в свете личности автора. Важен не факт сам по себе, а его восприятие и трактовка героем или автором. Факт переосмыслен в образ, близок к малым формам художественной литературы, конкретен, построен на фактическом материале. Цель очерка — дать образное представление о людях, показать их в действии, раскрыть существо явления. Очерк бывает сюжетным (портрет, проблема) и описательным (событийный, путевой)», — пишет Кадыкова.

Зарисовка, по ее мнению, — «обобщение фактов и описание обстановки. Короткий, живой и образный рассказ о своих впечатлениях». И даже репортаж — это «наглядное представление о том или ином событии через непосредственное воспри-

ятие журналиста-очевидца или действующего лица».

Таким образом, работа журналиста — это не только сбор фактов и их подача читателю в «свежем» виде, но и демонстрация авторского видения проблемы. Репортаж — через «непосредственное» (или «посредственное» — уже от личности автора зависит) восприятие журналиста. Зарисовка — рассказ о своих впечатлениях. Очерк — в свете личности автора.

К сожалению, немногие из журналистов обладают литературными талантами Марка Твена или Чарльза Диккенса, которые одинаково успешно выступали и как журналисты, и как писатели, и могли в случае чего откеститься от сегодняшних адептов западной «чистой журналистики»: «Заметку я написал как репортер, а очерк — как писатель!» Жизнь со времен Марка Твена, к сожалению, значительно ускорила свой бег, и теперь немногие профессиональные журналисты становятся писателями — им на это просто не хватает времени. Так что если журналисты оставят художественно-публицистические жанры литераторам — они только обеднят газету.

И это, кстати, уже происходит. Когда в последний раз вы видели в газетах хороший

очерк? Короче, где наши Аграновские?

Впрочем, даже если журналисты и решат отказаться от вышеупомянутых жанров, то вряд ли это им удастся. «Строгое разделение по жанрам существует лишь в теории и, в определенной степени, в информационных материалах. Вообще, жанрам свойственно взаимопроникновение, и на практике границы между ними часто размыты (особенно в так называемых «бульварных» изданиях). Понятно, что не может существовать точного стандарта для журналистского материала, иначе газету или журнал мог бы целиком делать компьютер», — пишет на этот счет та же Ирина Калдыкова.

Дело в том, что наши журналистские стандарты в образовании нацелены на подготовку специалиста-универсала. После нашего ВУЗа журналист должен быть в одном лице репортером, аналитиком, корреспондентом, редактором. Добавьте к этому факультативные курсы по связям с общественностью и рекламному делу, по компьютерной верстке и фотографии и даже такой предмет, как «экономика СМИ». В целом объема знаний, который предполагается усвоить за пять лет учебы, должно хватить для организации собственной газеты или открытия своей телепрограммы.

Это, конечно, теоретически, поскольку настоящую «экономику СМИ» нам на журфаке БГУ не очень-то и преподавали. Впрочем, наверное, всей стране ее преподавали «не очень», поэтому уж нам жаловаться грех. Ну где в тех же Штатах было видно, чтобы репортер умел бы верстать газету? У нас же творческий работник, не имеющий понятия о сущности, например, компьютерной верстки, поиска в Интернете, цифровой обработки графики и других видов деятельности в разных подразделениях редакции — рудимент.

Короче, не стоит нам избавляться от нашей системы образования — она хоть и менее специализирована, но более обширна. А поэтому большинство журналистов не смогут отказаться и от высказывания собственного мнения.

Более того, сейчас будет кошунственная для адептов западной журналистики мысль: и это правильно!

Прибор неизбежно влияет на картину эксперимента — это школьное правило физики при-

менимо и к журналистике. Этому нас учили, учат и будут учить (слава Богу). Недаром в нашей школе журналистики «высшим пилотажем» считаются две вещи — расследование и публицистика. В то время как расследование является верхом журналистской техники, публицистика — верхом журналистского ТВОРЧЕСТВА. А какая журналистика может существовать без творчества?

Кроме того, личное мнение журналиста влияет не только на структуру, композицию материала, но и на его тему. «Источников возникновения замысла — два. Первый — собственный социальный опыт журналиста, его информированность в широком смысле этого слова, его знания. Второй источник — сам факт, пришедший «со стороны» и дающий толчок для возникновения замысла: тогда газетчик, основываясь на имеющихся у него

знаниях, «перерабатывает» замысел в тему», — считает В. А. Аграновский.

То есть даже замысел и тема статьи зависят от «социального опыта журналиста». Что же говорить о непосредственном написании материала? Тем более что, по мнению Аграновского, «газетчики должны стараться идти не по следам событий, а рядом с ними, быть не за пределами явления, а наблюдать его изнутри, каких бы сил это ни стоило».

Как можно наблюдать явление изнутри, при этом в нем совершенно не участвуя? Практически невозможно, да и не нужно.

Именно по этой причине журналисты не только у нас, но и во всем мире попадают в переделки. Вспомните, сколько наших коллег белорусская милиция задержала во время празднования «Дня воли» в 2000 году? И все только потому, что они находились там, где и положено быть журналистам — в центре событий. Корреспондента НТВ Павла Селина выперли из Беларуси именно за то, что он «не был за пределами явления». Не за «необъективную точку зрения» (поскольку сделали это гораздо раньше, чем было исполнено желание президента «разобраться и, если виновны, принести извинения»), а за то, что он не шел «по следам событий».

Кстати говоря, «по следам» хорошего материала тоже не напишешь. Так что авторская точка зрения совершенно необязательно означает необъективность журналиста. Хотя и это тоже бывает. Но гораздо чаще авторская точка зрения помогает читателю глубже понять то, о чем журналист пишет, полнее осмыслить проблему и лучше разобраться в ней. «Голые факты» это вряд ли могут обеспечить.

В конце концов, по какому поводу тогда читатели будут писать письма в газеты?

СПОСОБЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ

Продолжение. Начало в № 33–34

Оксана РОМАНЕНКО,
психолог

В ежедневной практике общения с людьми журналист сталкивается с различными эмоциональными реакциями. Поведение собеседника может вызывать смех, жалость, гнев, раздражение. Возникающие у журналиста ответные эмоциональные реакции — это естественный психологический процесс. Эмоции могут оказывать на работу конструктивное или деструктивное воздействие. Любые сильные эмоции (положительные или отрицательные) приводят к искажению восприятия реальной действительности.

Журналист, стремящийся к объективной подаче информации, должен уметь контролировать свои эмоции во время проведения интервью. Осуществлять подобный контроль не просто. Умение приходит со временем, при условии постоянного стремления к совершенствованию. Способов эмоционального контроля много, и каждый выбирает свой — наиболее приемлемый. Мы можем рассказать о нескольких самых распространенных.

Переключение внимания на посторонние предметы. Использование этого приема требует некоторых навыков, выработать которые очень просто. Для этого не надо ни-

каких специальных условий, тренироваться можно в любой обстановке. Суть метода — уметь мгновенно переключать свое внимание на какой-либо предмет, как бы погружаясь в него. Концентрация на предмете должна достигать такой степени, чтобы никакие посторонние мысли не могли проникнуть в ваше сознание. Мгновенное погружение и такой же мгновенный выход — но уже с иными эмоциями.

Вы проводите интервью, собеседник ведет себя вызывающе, и вы чувствуете, как закипают негативные эмоции. Находите в окружающей вас обстановке что-либо, способное переключить ваше внимание и вызвать положительные ощущения. Например, картину с идиллическим сельским пейзажем. Мгновенно погружаетесь в него, чувствуете запах травы и цветов, слышите стрекот кузнечиков, видите синее бездонное небо, ощущаете покой и умиротворение и... «выходите» из картины, сохраняя приобретенное эмоциональное состояние.

Успешное применение этого приема зависит от того, насколько хорошо и быстро вы научитесь погружаться и выходить из образа. Для этого нужно потренироваться. Тренировки будут просты и естественны, если вы сделаете их своей ежедневной игрой. В метро, на улице, в магазине. Находите объекты, достойные внимания, и переключайтесь на них.

Другой прием заключается в **переключении внимания на внутреннее ощущение.** Чувствуя, что теряете контроль над эмоциями, сконцентрируйтесь на подсчете своего пульса или ощущении мышечного напряжения. Эффективным может стать массажирование точки хэ-гу, расположенной с тыльной стороны рук, примерно на 1 см ниже пястной фаланги указательного пальца.

Для контроля за своими эмоциями можно использовать дыхательные упражнения (если это будет уместно). Для снятия нервного напряжения необходимо быстро, глубоко и без усилий вдохнуть воздухом. Выдыхать следует медленно, через сжатые щелочкой губы. Нужно стараться, чтобы вдохи и выдохи были примерно одинаковой длины. Ориентироваться можно на секунды или частоту пульса.

Все перечисленные приемы хороши для контроля за эмоциями. Но их общим недостатком является отсутствие работы, направленной на понимание причины возникновения эмоций, анализ поведения собеседника. Если в процессе беседы вы почувствовали возникновение негативных эмоций, то лучший способ отвлечься — это заняться их анализом. Подумать, что вывело вас из равновесия, какое слово собеседника, выражение его лица, интонация? Задаться вопросом: почему собеседник так себя ведет? Может быть, он не уверен в себе? Боится? А может, специально хочет вас позлить?

Такой анализ не только отвлекает от переживания негативных эмоций, но и позволяет понимать их причины — т. е. контролировать себя и лучше понимать собеседника.

Но даже хорошее владение собственными эмоциями не всегда помогает человеку контролировать свое состояние в конце дня. Накопление информации, положительных и отрицательных переживаний, осознанных и неосознанных желаний приводит к вечерней усталости. Как это ни парадоксально, человек всегда лучше справляется с сильными разовыми негативными эмоциями. Может быть, потому, что яркие эмоции заметны. Гораздо сложнее — с ежедневными незначительными негативными раздражителями — дистрессами. Каждый, наверное, может вспомнить че-

ловека, общение с которым оставило легкий неприятный осадок. А если этот осадок накапливается годами? Отношение человека к своим эмоциям схоже с отношением к своему здоровью: если поднялась температура, начались какие-то серьезные проблемы, человек активно лечится; а пустяк в виде насморка или незначительной боли игнорируется до тех пор, пока не приводит к серьезным проблемам.

Наилучшим способом борьбы с перманентно действующими дистрессами является постоянная **работа по эмоциональной саморегуляции**. Методы работы могут быть различны. Наиболее распространенными являются: аутогенная тренировка (АТ), метод лечебного самовнушения по В. М. Бехтереву, йога.

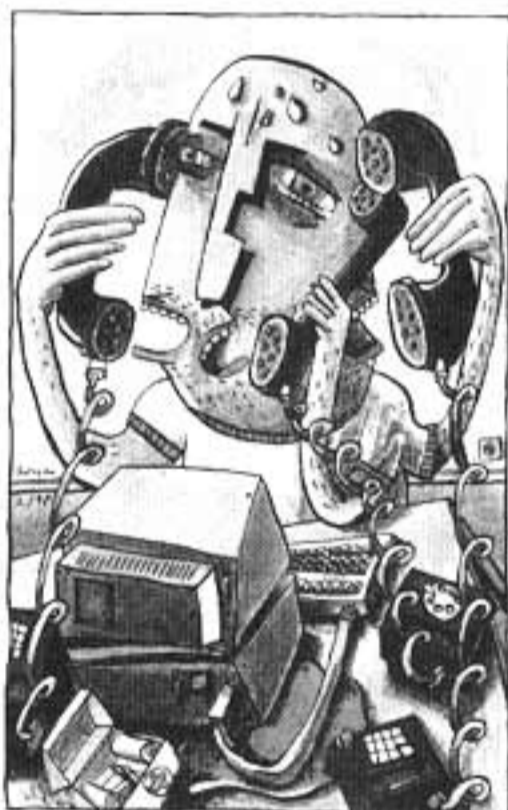
Аутогенная тренировка, впервые предложенная в 1932 году как метод эмоциональной саморегуляции, была незаслуженно забыта в советский период, когда гонениям подвергалась психология в целом, а психотерапия рассматривалась только как буржуазная и неприемлемая. С 50-х годов интерес к методу АТ постоянно возрастает. В настоящее время АТ имеет две широкие области применения — клиническую и психогигиеническую. Последняя предполагает использование АТ в повседневной жизни для снижения нервно-эмоционального напряжения, чувства тревоги, эмоционального дискомфорта. АТ позволяет улучшить настроение, нормализовать сон.

Основой АТ, как и всех остальных методов эмоциональной саморегуляции, является мышечная релаксация, на фоне которой реализуются специфические приемы, позволяющие наладить произвольное управление реакциями на эмоционально значимые стимулы.

Занятие делится на три части. Во время первой занимающийся приходит в состояние дремоты; во второй части он произносит формулы самовнушения, направленные на достижение определенного результата; третья — для выхода из дремоты. В состоянии дремоты занимающийся погружается посредством произнесения формул. Их цель — выработать определенные ощущения.

Итак, по классической методике Шульца «магические формулы» звучат следующим образом: «Я спокоен,

мое тело тяжелое. Голова тяжелая, плечи наливаются тяжестью, правая рука тяжелая...» и т. д. Это упражнение позволяет снять мышечное напряжение и расслабиться. Занятия АТ должны проходить в спокойной обстановке. Найдите удобную для себя позу, расслабьтесь (необходимо выключить телефон, чтобы он не прервал ваши занятия в самый неподходящий момент, убрать яркий свет и музыку). Если вы действительно хотите добиться необходимого эффекта, то не просто произносите формулу — сама по себе она не приведет к расслаблению. Результат будет достигнут тогда, когда вы действительно по-

чувствуете приятную тяжесть во всем теле. Только тогда переходите ко второй формуле: «Мое тело наливаются приятным теплом, лоб теплый, тепло разливается по лицу, переходит на шею...» Так же, как и в первом случае, результатом должно стать реальное ощущение тепла. Это упражнение приводит к тормозной фазе, т. е. к легкой дремоте. Третья формула позволяет начать самовнушение: «Сердце бьется спокойно и сильно, дыхание спокойное, мне дышится легко...». Далее следует самовнушение. Например: «Я контролирую свои эмоции, я умею вовремя остановить закипающее во мне раздражение, я не подавляю его, а контролирую». Или же: «Я уверен в себе, в ответственный момент я могу собраться и не растеряюсь» и т. д. Если перед началом занятий вы испытывали головную боль, то до начала внушения необходимо отра-

ботать формулу: «Мой лоб приятно прохладен» — это снимет напряжение и устранил боль. Заканчиваться АТ должна произнесением короткой фразы: «Руки напряжены, вдохнуть, открыть глаза!»

Лечебное самовнушение по В. М. Бехтереву имеет в основе тот же принцип, что и АТ. Отличается тем, что для саморегуляции используются естественные состояния организма перед или после сна. Поскольку естественные фазовые состояния длятся недолго, то и формулы внушения должны быть короткими. Важно «подловить» момент погружения в сон или пробуждения и произнести механически кодовые фразы 5–10 раз. Например, перед важной встречей: «Я спокоен, у меня все получится».

Помимо саморегуляции, для достижения состояния эмоционального равновесия, снятия нервного напряжения можно пользоваться другими приемами. О некоторых из них мы говорили в первой части: дезактуализация проблемы, переключение на предстоящие положительные переживания. Напомним, в чем они заключаются. Метод дезактуализации проблемы направлен на детальное рассмотрение ситуации, прогнозирование возможных последствий и оценку их в сравнении с глобальными проблемами и их последствиями. Другой прием заключается в проведении детального анализа ситуации. Анализ, беспристрастный и подробный, позволяет выйти на иной уровень восприятия проблемы, оценить ее с позиции собеседника: «На меня накричал начальник. Да, это неприятно, я расстроился, потому что это меня унизило. Каковы последствия этого конфликта? А как он мог закончиться? А как бы мне хотелось, чтобы он закончился? При каких условиях это было бы возможно?..» В качестве эффективного метода можно использовать прием, называющийся «закрытые двери». Заключается он в умении отсекал пережитые неприятные эмоции, или «не пилить опилки», как метко выразился Д. Карнеги. Важно уметь «закрывать дверь» в прошлое. Не прятаться от своих переживаний, а, оценив их всесторонне, оставлять в прошлом. Ведь жизнь продолжается, и прошлое пережито, оно не должно лишать нас будущего. Прошлое — это опыт, который нужно запомнить, но не переживать постоянно. Поняв-

Ухабы отечественной антиалкогольной политики и кремлевские «номенклатурные» застолья

Юрий КНЯЗЕВ

Спьянством, как известно, связаны и деградация личности, и падение работоспособности, и самое страшное — воспроизводство дебилов, психически неполноценных больных. Так начинается генетическое вырождение общества. Пьянство является одной из причин упадка культуры, моральных устоев, нравственности, роста преступности. Все это мы познаем сегодня.

Сам ход советской истории зачастую зависел от степени пагубного пристрастия вождей к спиртному и, как следствие, от их психопатологических качеств. Поэтому стоит напомнить читателю некоторые ухабы «хмельного пути» советской политики. История застолий в высших эшелонах власти разнообразна и необычайна.

Она — отражение форм правления, культуры, традиций, обычаев, привычек прошедших и нынешних времен. Эпоха питья руководителей правительств — от предсовнаркома, генералиссимуса, генсеков до президента России Бориса Ельцина — освещается в очерке врача-нарколога, кандидата медицинских наук Юрия Князева. Ознакомление с фактами и документами, характеризующими этапы этой политики, может оказаться полезным и в наши дни. Публикация подготовлена на основании ряда материалов из российской прессы и отечественных изданий.

«Мы не позволим торговать сивухой...»

(В. И. Ленин)

У победивших в 1917 году большевиков возникло необузданное желание как можно быстрее избавиться от «мрачного» наследия свергнутого режима, вплоть до полного уничтожения не только богатых дворцов, особняков, храмов, но и спиртного. В первые дни после октябрьской революции в Петрограде насчитывалось около 700 складов с запасами вин на миллиарды руб-

лей. Только в погребах Зимнего хранились редкие коллекционные вина общей стоимостью свыше 5 млн. долларов. Среди населения Питера стал нарастать нездоровый ажиотаж: по городу разбросали листовки, призывающие к разгрому винных складов, и в некоторых районах эти погромы уже начались. При этом преследовались разные цели — от искоренения «причины всех народных бед» до желания вкусить дармовой «запретный плод». Военно-революционный комитет Петрограда 26 ноября 1917 года принял решение об уничтожении винных и спиртовых запасов. В этой акции участвовало несколько рот матросов с пулеметами. Бутылки и бочки разбивали ломami и топорами, спирт и вина с помощью пожарных помп скачивали в сточные каналы. Через два дня был дан приказ — «закрывать и опечатывать все винные и спиртовые заводы, запретив продажу и изготовление спиртных напитков. Виновные, как и задержанные в пьяном виде, подлежат военно-революционному суду...»

Трезвость рассматривалась большевиками как общепартийная норма и как одна из важнейших целей революции. «Алкоголизм не даст нам построить новое социалистическое общество», — заявил пред-

совнаркома В. И. Ленин на X Всероссийской конференции РКП(Б) в 1921 году. Можно по-разному относиться к идеям социализма и революции, но трудно отказать пришедшим к власти большевикам в здравых и трезвых идеях. Только, увы, эти идеи не нашли своего воплощения в жизни, как, впрочем, и многие другие.

В мае 1918 года ВЦИК принимает декрет, в котором за подпольное изготовление спиртного предусматривается уголовная ответственность в виде лишения свободы сроком не менее 10 лет с конфискацией имущества и принудительными работами. Однако в условиях начавшейся гражданской войны выполнение этого декрета оказалось нереальным.

Вскоре Совнарком РСФСР принимает постановление «О воспрещении на территории страны изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спирто-содержащих веществ». За нарушение — срок не менее 5 лет. За появление в нетрезвом состоянии и незаконное распитие спиртных напитков — лишение свободы до года. Этот запрет распространялся на напитки крепостью свыше 12 градусов. К свободной продаже допускались виноградные вина, пиво, кумыс. С конца 1922 года усилились репрессии в отношении самогонщиков. В 1923 году в одной из волостей Енисейской губернии действовало постановление: «Если кто-либо из граждан поймает в своем селе пьяного, то за его счет получит 5 пудов хлеба; если поймает с самогонным аппаратом — 10 пудов; если поймает жителя другого села — 50 пудов хлеба».

Однако в 1923 году сельские жители революционной страны употребили 186,9 млн. литров самогона, на изготовление которого было затрачено 655,2 тыс. тонн зерна, то есть больше, чем на производство хлеба. Усиление борьбы с самогонварением не принесло ожидаемых результатов.

Жизнь заставила ослабить запреты на производство и продажу спиртных напитков. В 1924 году разрешили производство и продажу плодово-ягодных вин, настоек и наливок крепостью до 20 градусов, вскоре пошли в ход и 30-градусные напитки.

Сказать о Владимире Ульянове (Ленине), что он не употреблял вина вообще, нельзя. Согласно современной медицинской терминологии, вождь пролетариата был культурно пьющим, но при этом очень плохо переносил спиртное. Одно из свидетельств — его письма к М. Горькому, в которых он предвкушал застолье на Капри. Как рассказал Н. И. Бухарин, который после разгрома Учредительного собрания пришел к Ильичу с бутылкой вина, состояние Ленина после распития было таким, что Бухарин боялся... его потерять.

В своих трудах Ленин писал: «Большевики не допустят массовой продажи водки, как бы это ни выгодно было для торговли».

«Продажа водки есть зло, но...»

(И. В. Сталин)

После смерти Ленина у руля государства и партии оказались люди совершенно иных взглядов и пристрастий. Например, сменивший Ленина на посту предсовнаркома А. Рыков лечился от алкоголизма в Германии. А Куйбышева Сталин боялся оставлять одного без присмотра. «Запьет», — предупреждал он Молотова, уезжая в отпуск.

Сталин хорошо переносил спиртное и очень обижался на тех, кто пытался избегать выпивки. Когда один из знаменитых полярных летчиков попытался на кремлевском приеме налить себе в рюмку вместо водки минеральную воду, Сталин, несмотря на то, что сидел достаточно далеко, подошел к пилоту с фужером, наполненным водкой, и заставил выпить до дна.

В 1925 году были наконец сняты все ограничения на легальную продажу спиртных напитков. В своих выступлениях генсек декларировал: «Продажа водки есть зло, но меньшее, чем кабала западноевропейских капиталистов»... Постановлением ЦИК и СНК СССР ввели госмонополию на изготовление и продажу водки. В тезисах ЦК ВКП (Б) давалось разъяснение по этому поводу: «Продажа водки должна ослабить рост самогонварения, а доходы от продажи спиртного дадут возможность увеличить госказну дополнительно». Несмотря на это, по некоторым оценкам, за 1927–28 годы в стране было выпито 500 тыс. литров самогона. В связи с этим вновь активизировалась агитационно-массовая работа. В ряде районов создавались общественные группы «по борьбе с наркотизмом», которые затем были преобразованы в «комиссии по оздоровлению труда и быта». В 1928 году в Москве было создано «Общество по борьбе с алкоголизмом», среди учредителей которого были Н. Подвойский, С. Буденный, Д. Бедный, В. Иванов, В. Маяковский. В июне вышел в свет первый номер всесоюзного журнала «Трезвость и культура», а в ноябре создан всесоюзный Совет противоалкогольных обществ.

Можно было только гадать, насколько повлияла эта широкая кампания на любителей выпить, но жизнь снова распорядилась по-своему...

В апреле 1933 года все антиалкогольные общества объединились с «Союзом безбожников» и обществом «Долой безграмотность». Этот гибрид называли «За здоровый быт». Изменилась и медицинская трактовка проблемы. Алкоголь был назван лечебным средством. Из специальной медицинской литературы исчезли сведения о вреде спиртных напитков, их последствиях для здоровья, судебно-медицинская

статистика травм и смертей от отравления алкоголем и разными суррогатами.

Третью столетия Сталин жил и работал в Кремле. В те годы на самом высоком уровне отмечались революционные праздники, слеты, съезды, устраивались приемы в честь стахановцев — ударников производства, победителей соцсоревнований, «обмывались» высокие правительственные награды. В Кремле проводили приемы в честь иностранных гостей и дипломатов. На одном из хроникальных снимков Сталин поднимает чарку в обществе Иахима фон Риббентропа и В. Молотова, которые простирают к вождю свои фужеры. Это фрагмент кремлевского приема по поводу подписания советско-германского пакта о ненападении, скрепленного водкой, который лопнул уже через год.

Вообще, «пьяная дипломатия» при Сталине занимала отнюдь не последнее место в арсенале переговорных процессов. Главный маршал авиации А. Голованов писал: «Сталин давал прием в честь приезда в Москву Уинстона Черчилля. Тосты следовали один за другим, и я с беспокойством следил за Сталиным, ведь Черчилль — известный выпивоха, устроил за столом как бы состязание со Сталиным, кто больше примет спиртного. Сталин пил на равных и, когда Черчилля вынесли на руках из-за стола, подошел ко мне и сказал: «Что ты на меня так смотришь? Не бойся, Россию я не пропью, а он у меня завтра будет вертеться, как карась на сковородке...» Даже иностранных гостей вроде Иосифа Броз Тито или Ракоши Сталин заставлял напиваться до неприличия. Принимая у себя на даче членов политбюро и заставляя их пить, он был убежден, что наиболее полно люди раскрываются в неформальной, непринужденной обстановке. Он исходил из тезиса «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Отказ

пить воспринимался как боязнь проболтаться, желание что-то скрыть. Поэтому никто в конечном счете и не отказывался от очередной рюмки. Многие из его соратников закончили свой жизненный путь неучтенными алкоголиками. Такими, по свидетельству Роя Медведева, были Жданов, Щербаков, Булганин, Маленков и многие другие партийные и государственные деятели.

няли решение сократить сеть по продаже водки. Провели эксперимент, ограничив продажу спиртного в г. Рязани, оставив там только три винных магазина. Но из этого ничего не вышло — образовались громадные очереди, расцвело самогоноварение, а люди начали ругать все и вся.

В ходе «великого десятилетия» неугомонному и непоседливому Никите Сергеевичу при-

«Мы продаем больше водки, чем при царе...»

(Н. С. Хрущев)

Никита Хрущев был первым послевоенным лидером партии и государства, открыто признавшим проблему алкоголизма и провозгласившим широкую антиалкогольную кампанию 1958 года. По свидетельству министра пищевой промышленности СССР Д. Павлова, на одном из совещаний Совмина обсуждали идею борьбы с пьянством. Н. Хрущев с удивлением узнал о том, что в царской России в 1913 году было произведено 118 млн. д/литров спиртного, а в 1956 году — 122 млн. д/литров. Тут же при-

ходилось выпивать в спецсамолетах и спецпоездах, в спецбуфете мавзолея В. И. Ленина, на границах между областями, на охоте и в домах селян, куда он любил заглядывать «на борщ».

В 1955 году, возвращаясь из Индии вместе с Булганиным, они остановились в Ташкенте. Узбекские власти решили устроить грандиозный митинг, который по их замыслу должен был транслироваться «в живом эфире» по радио на Союз и за рубеж. На центральную площадь Ташкента и прилегающие улицы согнали массу народа, по всему городу были развешены громкоговорители. Страна замерла в ожидании того, что скажут два ее высших деятеля...

Но узбекские власти совершили непростительную ошибку, устроив обед не после, а до митинга! Как рассказывают очевидцы, Булганин уснул сразу же, по прибытии в президентум, а Хрущев вышел на трибуну и стал говорить. Руководителям, сохранившим трезвую голову, пришлось принимать непростое решение: сначала отключили трансляцию за рубеж, потом, по мере того как, клеймя империализм, Никита Сергеевич все больше расходился, отключили трансляцию на площади и по союзному радио. Хрущев, не заметив этого, продолжал честить акул мирового капитализма, а народ, стоя под палящими лучами солнца, пугливо недоумевал: из-за чего так размахивает руками маленький, толстенький и лысый человек? Вроде кого-то ругает, вспоминает чью-то мать, а кого — не слышно!

В год отставки Хрущева (1964) производство водки и ликеро-водочной продукции достигло 176 млн. д/литров, а потребление спирта на одного жителя страны по сравнению с 1956 годом возросло на 12%.

«Проклятое виски, я к нему не привык...»

(Л. И. Брежнев)

Унаследованная от Хрущева традиция кремлевских застолий сохранилась и при Л. Брежневе. Но, естественно, он, как и каждый генсек, внес в это «святое» дело свою лепту. В перерывах между монументальными высокими застольями проводилось множество междусобойчиков на дачах, курортах, охоте, рыбалке. Этот процесс развивался вширь и вглубь. Без распития спиртного не обходился ни один революционный праздник на Красной площади. Пока одни члены политбюро помахивали руками и, приподнимая шляпы, приветствовали колонны трудящихся, другие усаживались за столы спецбуфета в

мавзолее В. Ленина и... выпивали. Кроме них для чоканья «с самим» приглашались отдельные «подающие надежды» представители среднего партийного звена. Так начиналась коллективная «разминка» перед официальным приемом в банкетном зале Кремлевского Дворца съездов.

Спиртное было вечным спутником охотничьих страстей Леонида Ильича, которые чаще всего он утолял в Завидово.

По свидетельству бывшего посла СССР в США А. Добрынина, июльским вечером 1973 года генсек Брежнев гостил у президента Ричарда Никсона в Сан-Клименте, его калифорнийском поместье. Из предложенных хозяином чая, виски, вина Брежнев предпочел виски. Но при этом он не хотел «портить виски содовой» — и вскоре был «хорош». Он стал жаловаться Никсону, что быть генсеком нелегко, что он должен слушать «всякого рода глупости» от других членов Политбюро, с чьим мнением все же приходится считаться. Никсону явно было неловко, хотя, казалось, и интересно слушать брежневские откровения. На следующий день Леонид Ильич спросил Добрынина: «Анатолий, не слишком ли много я вчера наговорил?» На что посол ответил: «Наговорил ты слишком много, но я старался не все переводить». — «Хорошо, — сказал генсек. — Проклятое виски. Я к нему не привык».

«Перестройка без трезвости немислима...»

(М. С. Горбачев)

История не припомнит ни одного главы государства, который бы одержал победу в войне против Бахуса. Не добился ее и Михаил Сергеевич, хотя сражение начал очень лихо.

На первых порах были жестоко урезаны все протокольные распития в Кремле, сокращены прежние списки участников при-

емов, что посеяло немалую панику в их рядах. Госчиновники просто глазам своим не верили, когда на 8–10 человек теперь давали пару бутылок сухого вина (!). Кремлевская застольная обойма пребывала в транссе. Она не могла переварить суть такой перестройки. Антиалкогольная кампания, начатая в 1985 году, предусматривала повышение цен на спиртное, введение более жестких мер наказания и другие ограничения. Громкую риторику сменил сдержанный тон. Косвенно были признаны прежние неудачи. Констатировалось и то, что одна из главных причин пьянства — скука повседневной жизни, отсутствие нормальных условий для досуга и отдыха людей.

На XIX Всесоюзной партконференции М. Горбачев заявил: «Перестройка без трезвости немислима. Ей нужны ясные, не затуманенные алкоголем головы». Повсеместно был обнародован лозунг: «Трезвость — закон нашей жизни!» Постановление определило тон кампании, отвергающей даже умеренное потребление спиртного, а в СМИ тема трезвости стала главной.

Ради справедливости заметим, что Постановление 1985 года мы, врачи, приветствовали, так как за последующие 5 лет оно позволило сохранить жизнь более чем 20 тысячам сограждан. Но к выполнению этой на редкость сложной задачи мы приступили, не имея ни четкой и ясной концепции преодоления пьянства, ни научно обоснованной программы практических действий. Начиная с 1988 года советское государство вновь перешло к увеличению производства и реализации спиртного. Заболеваемость и смертность населения сразу пошли вверх.

«Я не испытывал к зелью особого влечения. — признается М. Горбачев, — хотя под настроение мог иной раз выпить не меньше других. В молодости даже попробовал неразбавлен-

ный спирт». Успешно Михаил Сергеевич прошел и «школу застолия» на уровне секретарей обкомов и крайкомов. Строгий экзамен по этому обязательному предмету ему пришлось сдавать в столичной гостинице «Москва». Его большой фужер наполнили водкой. «Я немного отпил, — рассказывает Горбачев, — и поставил фужер на стол, чем вызвал всеобщую настороженность.

— Что это такое? — выражая неудовольствие, вопрошали присутствующие за столом секретари ЦК КПСС.

— У меня своя система, — ответил я. — Постепенно, но неуклонно».

Так Михаил Горбачев, «столкнув» экзамен, вошел в группу секретарей «Быстрого реагирования», пользовавшихся у Брежнева особым доверием.

Чтобы не обострять отношения с соратниками по партии, новый генсек сохранил старую партийную традицию выпивок в Мавзолее по большим революционным праздникам. Там оставался тот же спецбуфет, подавали то же горячее ароматное вино, которое руководители партии и правительства распивали с присутствовавшими здесь женами.

«Сделайте меня, врачи, нормальным, здоровым...»

(Б. Н. Ельцин)

О протокольных застольях Бориса Николаевича Ельцина рассказывается в его книге «Записки президента». Он благосклонно относился к двум новым сортам кристалловской водки — «Гжелке» и «Привету». Обе они были изготовлены из спирта высшего качества и специально очищенной воды. Американские спецслужбы, изучая алкогольные проблемы российского президента, пришли к выводу, что «он клинический алкоголик, но нуждается в выпивке для снятия нервного напряжения».

Здоровье президента России было одной из самых страшных тайн тогдашней власти. Хранили ее свято, сильнее, чем все военные секреты вместе взятые. Отсюда и слухи, сплетни, пересуды...

Первый президент России до операции на сердце перенес 5 инфарктов и более 10 сердечных приступов. В 1990–93 годах ему сделали две операции на позвоночнике, в декабре 1994 года — операцию на переносице. В конце 1993 года в Китае его разбил инсульт (отнялись рука и нога). Но все это

еще были «цветочки». Летом 1995 года, после того как Ельцин осушил бутылку 40-градусного ликера «Куантро», его обнаружили лежащим без чувств на кафельном полу. С диагнозом «инфаркт миокарда» он был госпитализирован в ЦКБ. Осенью того же года в Сочи, когда он играл в теннис, выпивал и расслаблялся, случился второй инфаркт.

В сентябре 1994 года в США проходили переговоры Б. Ельцина с американским президентом Б. Клинтонем. Во время завтрака Борис Николаевич съел крошечный кусочек мяса и опустошил несколько бокалов сухого вина, после чего начал отчаянно шутить. Переводчик с трудом подыскивал слова, стремясь корректно, но смешно переводить некоторые сальности. Из Вашингтона летели на ИЛ-62. В узком кругу Ельцин произносил тосты за команду и был чересчур возбужден. Ночью, за 3 часа до прилета в аэропорт Шеннон, ему стало плохо. Доктора начали колдовать: капельницы, уколы, искусственное дыхание... Через несколько часов Ельцин пришел в себя и попытался сесть, но приступы боли и слабость мешали ему, он падал на подушки. «Пойду на переговоры, иначе выйдет скандал на весь мир, — твердил он. — Сделайте меня, врачи, нормальным, здоровым. Не можете — идите к черту!» Врачи уложили Ельцина в постель, ввели успокоительное, и президент заснул до самой Москвы. Сразу же по прибытии в первопрестольную его отвезли в ЦКБ. Журналистам объяснили, что перелет был тяжелым, президент крепко заснул, а охрана по прилете в Шеннон не осмелилась его разбудить, за что будет наказана.

После операции на сердце дозы спиртного стали меньше: если раньше Борис Николаевич мог выпить пол-литра, а то и больше, то теперь ограничивался 200–300 граммами.

В конце августа 1939 года над миром словно взорвалась бомба: еще недавно клеймившие друг друга СССР и Германия неожиданно подписали договор о ненападении. Никто еще не знал, что к нему прилагался секретный протокол, в котором был зафиксирован раздел Восточной Европы на сферы влияния между Москвой и Берлином. Через неделю Германия вступила в Польшу, а спустя 17 дней советско-польскую границу пересекла Красная Армия...

Игорь КУЗНЕЦОВ,
кандидат исторических наук

Шатающийся мир

Польская армия героически сопротивлялась. Немецкие танковые клинья с большим трудом пробивались вперед, теряя технику и живую силу. Не удалось уничтожить внезапным ударом и польскую авиацию. Сражались окруженные Люблин, Гдыня, Варшава и многие другие города. Все газеты мира обошла фотография, запечатлевшая, как польская кавалерия неслась в атаку на немецкие танки.

События увлекали за собой, как в воронку, миллионы жизней. А фюрер убедительно обосновывал свои планы долгосрочной мирной политики по отно-

шению к Советскому Союзу: «Германия и Россия боролись друг против друга в мировой войне, и обе оказались жертвами мировой войны. Это не случится во второй раз...»

Части вермахта под командованием Рундштедта, фон Бока, Клюге, Кюхлера и Рейхенау одерживали победы, но они достигались дорогой ценой. Уже 3 сентября посол Германии в Москве Шуленбург обратился к Молотову с просьбой о том, чтобы Красная Армия как можно скорее вторглась в восточные области Польши, на территорию, которая отдавалась Советскому Союзу по секретному протоколу договора от 23 августа 1939 года. Причины такой просьбы очевидны. Германское командование хотело сковать значительную часть польских войск на востоке и тем самым облегчить решение собственных задач.

Советское руководство выжидало, хотя решение о вводе войск в Западную Белоруссию и Западную Украину было уже принято. К тому же и обстановка в Польше была довольно противоречивой. Несмотря на прогнозы, боевые действия там носили упорный характер.

В Москве ждали, когда падет Варшава. 9 сентября передовые немецкие части достигли ее пригородов. В тот же день В. Моло-

«НЕНАПАДЕНИЕ»

тов направил поздравление Шуленбургу: «Я получил Ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству Германской империи». Поздравления оказались несколько преждевременными — Варшава держалась вплоть до 27 сентября.

Советская сторона ускорила военные приготовления. Одновременно шла обработка общественного мнения в Советском Союзе и за рубежом. 14 сентября в «Правде» была опубликована статья «О внутренних причинах поражения Польши». Естественно, особо подчеркивалось бесправное положение 11 миллионов белорусов и украинцев...

В начале сентября в СССР началась призывная кампания. Впервые она проводилась на основании нового закона. В Беларуси и на Украине призывали молодежь и военнообязанных из запаса. Шесть военных округов приводились в боевую готовность. Простые люди, конечно, не могли быть осведомлены обо всем этом в полной мере, но предчувствие грозных событий висело в воздухе. 11 сентября нарком обороны СССР издал приказ о сосредоточении войск Киевского и Белорусского особых военных округов на западной границе.

Дружба по расчету?

В 2 часа ночи в Кремль вызвали германского посла графа фон Шуленбурга. Сталин принял его в присутствии Молотова и Ворошилова. После взаимных приветствий послу объявили, что сегодня, 17 сентября 1939 года, в 6 часов утра Красная Армия перейдет польскую границу на всем протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска. Во избежание возможных инцидентов между советскими и немецкими летчиками была передана просьба, чтобы немецкая авиация не залетала восточнее линии Белосток — Брест — Львов.

На границе с Польшей сосредоточили 54 стрелковых и 13 ка-

валерийских дивизий, 18 танковых бригад и 11 артиллерийских полков резерва Главного командования. Общая численность войск достигала 600 тысяч человек. Поддержку боевых действий обеспечивали 4 тысячи танков, 5500 орудий и 2 тысячи самолетов. Эти силы разделили на два фронта — Украинский (под командованием командарма 1-го ранга С. К. Тимошенко) и Белорусский (под командованием командарма 2-го ранга М. П. Ковалева).

После известий о переходе Красной Армией польской границы верховный главнокомандующий вооруженными силами Польши маршал Э. Рыдз-Смиглы отдал приказ: «С Советами в бою не вступать, оказывать сопротивление только в случае попыток с их стороны разоружения наших частей, которые вошли в соприкосно-

вение с советскими войсками. С немцами продолжать борьбу. Окруженные города должны сражаться. В случае, если подойдут советские войска, вести с ними переговоры с целью добиться вывода наших гарнизонов в Румынию и Венгрию».

Авангардные подразделения Красной Армии быстро продвигались вперед, встречая лишь слабое сопротивление. Малочисленные пограничные заставы и гарнизоны либо складывали оружие, либо уходили в леса. Сопротивление в основном сводилось к разрушению мостов, минированию дорог, сооружению завалов, чтобы помешать продвижению нового противника.

Молотов выступил с речью по радио уже через несколько часов после начала военных действий. Одним из главных мотивов выступления было угнетение в Польше национальных

Сталин и Риббентроп после подписания пакта о ненападении

меньшинств (белорусов и украинцев). Это прозвучало как ненавязчивое выражение солидар-

Советские газеты перепечата-
ли текст этой длинной листов-
ки без сокращений. Зато, когда

пость. Лишь в ночь на 17 сен-
тября ее защитники организо-
ванно покинули форты и
отошли за Буг.

А к городу при-
ближались советские
части под командо-
ванием В. И. Чуй-
кова. Авангардная
танковая бригада
комбрига С. М. Кри-
вошеина заняла
Брест. От немцев
потребовали увести
свои войска за де-
маркационную ли-
нию, поскольку го-
род находился в со-
ветской сфере раз-
дела Польши.

В ознаменова-
ние победы над
Польшей в Гродно,
Бресте, Пинске и
некоторых других
городах состоялись
совместные совет-
ско-германские во-
енные парады. В
Бресте парад при-
нимали Г. Гудериан
и комбриг С. М. Кри-
вошеин, в Гродно
вместе с немецким
генералом — ком-
кор В. И. Чуйков.

В это время тысячи польских
солдат и офицеров уходили в
Литву, Венгрию, Румынию. Фа-
шисты добивали окруженные
войска и гарнизоны. А бодрые
митинги в Москве и Ленингра-
де, Минске и Киеве не конча-
лись. Но земля Куропат и Каты-
ни еще примет тех, кто пока был
жив.

На территории Беларуси са-
мые напряженные бои развер-
нулись в районе Гродно, где ско-
пились многочисленные поль-
ские части, отступавшие с
разных направлений. Нес-
мотря на активное сопротивле-
ние, 20 сентября город был взят
частями Красной Армии. В этот
же день Красная Армия заняла
Барановичи, а через два дня —
Брест.

Население радостно встре-
чало советских воинов. Ведь
почти 20 лет польские правите-
ли проводили насильственное
ополячивание населения; за-

22 сентября 1939 г.

Генерал Гудериан и комбриг Кривошеин принимают совместный военный парад

ности с Германией, которая об-
виняла Польшу в этом же «гре-
хе» (но по отношению к
немцам). До прямой demonstra-
ции солидарности с Гитлером
оставались одни сутки.

Вскоре фашистские самолеты
разбросали над окружен-
ной Варшавой миллионы
листовок: «К населению Вар-
шавы. Ваше правительство
сделало город районом битв,
лишив его характера открыто-
го города. Ваше военное руко-
водство не только обстреляло
город тяжелой артиллерией,
но также призвало вас строить
на каждой улице баррикады и
оказывать германским вой-
скам сильнейшее сопротивле-
ние. Требованием от граждан-
ского населения с оружием в
руках оказывать сопротивле-
ние германским войскам и ве-
сти партизанскую войну ваше
правительство нарушило меж-
дународное право...»

спустя неделю Варшаву подвер-
гли массированной бомбарди-
ровке и в городе начались пожа-
ры, об этом не было сказано ни
слова.

Вторжение

Немецко-фашистские войска
окружили основные силы поль-
ской армии и уничтожали их в
западной части страны, между
Бзурой и Вислой. После жест-
ких боев большая группа под
командованием генерала Кут-
жеба все же вырвалась к Вар-
шаве...

Мы хорошо знаем про оборо-
ну Брестской крепости в
1941 году, но практически ниче-
го — о ее защите польской арми-
ей в 1939-м. 14 сентября 19-й
танковый корпус Г. Гудериана
захватил Брест. Польские вой-
ска под командованием генера-
ла К. Плисовского в течение не-
скольких суток обороняли кре-

крывали белорусские и украинские школы, превращали православные церкви в костелы, отбирали у крестьян лучшие земли и передавали их польским осадникам.

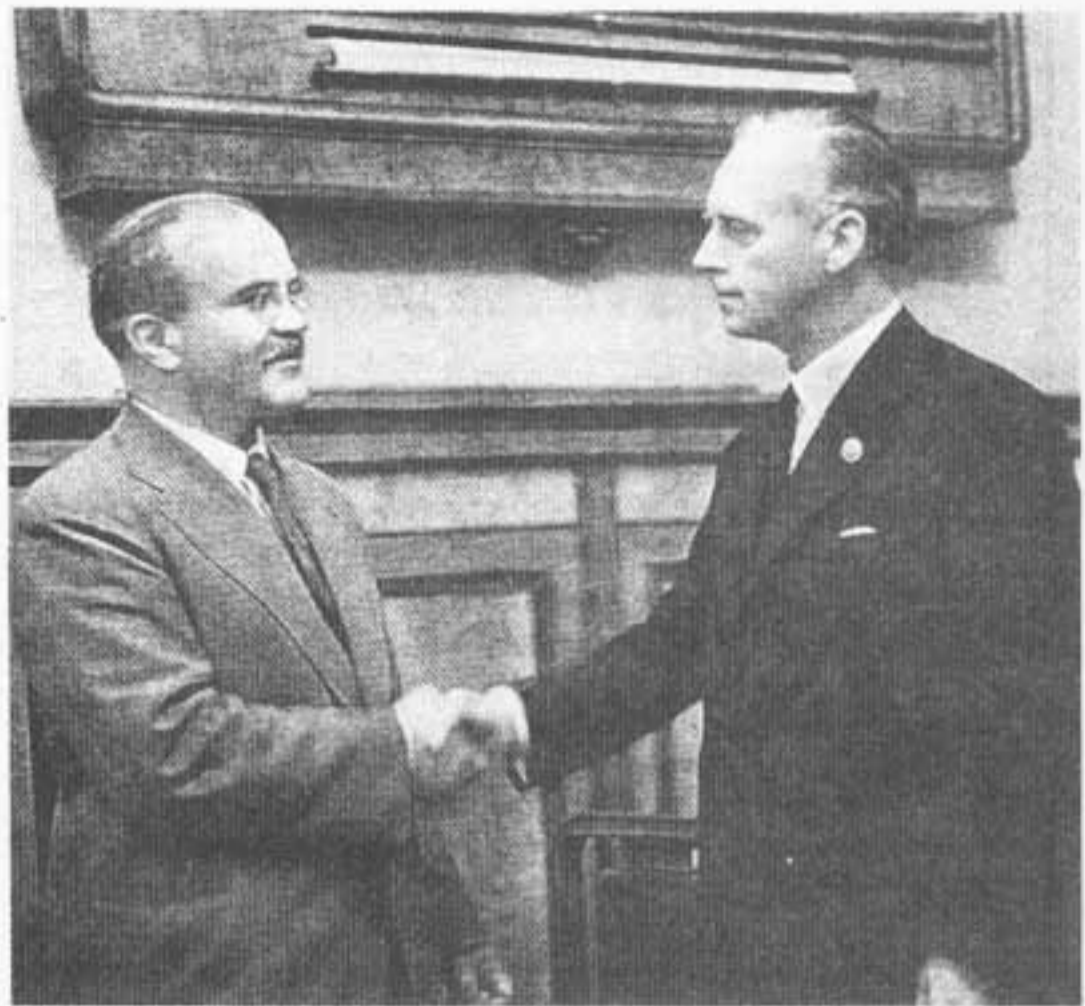
В октябре 1939 года состоялись выборы в верховные собрания Западной Белоруссии и Западной Украины. На белорусских землях они прошли с высоким уровнем активности, в голосовании приняло участие 2 миллиона 672 тысячи человек. Более 90 процентов проголосовали за предложенных депутатов. Разумеется, и здесь имели место подтасовки, но остается фактом и то, что в целом белорусское население положительно восприняло установление советской власти.

Действительно, тогда идею воссоединения белорусского и украинского народов, пусть даже под Советами, с энтузиазмом поддержали самые различные политические силы — от коммунистов до националистов.

Но вместе с советской властью пришли и сталинские порядки. Начались массовые репрессии против новых «врагов народа» из числа жителей западных областей. С ноября 1939 года в Сибирь потянулись эшелоны с депортированными.

Кровавый след оставили за собой органы НКВД на территории западных областей республики. Много безымянных захоронений разбросано от Бреста до Минска. Одно из них обнаружили в ноябре 1994 года в Вилейке, которая в те годы была областным центром. Одной из главных «достопримечательностей» города являлась внутренняя тюрьма НКВД, рассчитанная на 210 заключенных (всего для размещения «врагов народа» на территории области было создано 7 тюрем). Однако, согласно акту проверки от 14 мая 1940 года, в вилейской тюрьме содержалось 910 (!) заключенных, из которых за НКВД числилось 854.

Если учесть, что из числа арестованных, дела которых рассматривали несудебные органы, к высшей мере наказания в тогдашней БССР приговаривалось не менее 45 процентов,

Молотов и Риббентроп обмениваются рукопожатием после подписания договора о дружбе и границе

то можно предположить, что в Вилейке с сентября 1939 по июнь 1941 года к расстрелу было приговорено не менее тысячи человек.

Сотни жителей Вилейки и тогдашней области до сих пор числятся пропавшими без вести в самые первые дни войны — то есть до оккупации города. Куда они могли исчезнуть? На их судьбу могут пролить свет строки из протокола заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 22 июня 1941 года:

«Слушали: о заключенных, содержащихся в тюрьмах западных областей, приговоренных к ВМН.

Постановили: поручить тт. Цанаве и Матвееву передать директиву об исполнении приговоров в отношении осужденных к ВМН, содержащихся в тюрьме западных областей БССР»...

Итак, все кончено. В школах Западной Белоруссии возобновляются занятия. Налаживается работа предприятий. Войска устраиваются в казармах. Для тех, кто выжил, — жизнь продолжается...

Вплоть до июня 1941 года по Москве ходили слухи о том, буд-

то Сталин и Гитлер скоро объединят Германию и СССР в одно государство: мол, они там, в Берлине, тоже социалисты, только с приставкой «национал». «Любовь» между ярким антифашистом Сталиным и заклятым антикоммунистом Гитлером повергла людей всего мира в состояние шока. На самом же деле ничего удивительного в этом не было. Крайности всегда сходятся, к тому же было немало и сходства. Концлагеря и ГУЛАГ, гестапо и НКВД, репрессии против инакомыслящих и даже против преданных сторонников, стремление к мировому господству, милитаризация, пренебрежение к международному праву — вот что роднило двух тиранов.

В конечном итоге произошло то, что и должно было произойти. Гитлер и Сталин не смогли поделить между собой добычу. Каждый хотел урвать побольше.

18 декабря 1940 года Гитлер подписал директиву N 21, более известную как план «Барбаросса». До начала Великой Отечественной войны оставалось полгода...

Через пять морей под парусами

Владимир САМОЙЛОВ

Когда-то древние греки решили посчитать всех живущих и всех мертвых. Тогда один из мудрых людей заметил: «Конечно, это можно сделать, но к какой категории отнести плывущих по морю?» И он был прав. Люди, идущие под парусами, скорее, где-то в промежутке...

Дюжина мужиков и ни одной женщины

Как я попал в эту удивительную экспедицию, до сих пор понять не могу. Помог господин случай. Как-то в Минск приехал бывший морской офицер Владимир Стефановский с фантастическим проектом, в который людям со здравым рассудком поверить было трудно. Председатель морского собрания Севастополя собирал экспедицию, которая должна была пройти по местам побед и поражений российского флота в честь его трехсотлетия. На небольшой парусной яхте предполагалось проплыть через пять морей в маленький тунисский город Бизерту, где в свое время несколько лет стояла эскадра кораблей, которые в 1920 году покинули Россию, а 29 октября 1924 года здесь был в последний раз спущен Андреевский флаг. Именно 29 октября 1996 года члены экспедиции должны были вновь поднять там Андреевский флаг.

Такие предложения журналистам поступают не часто, поэтому грех было отказаться. Правда, в море я ни разу до этого не ходил — ни на большом судне, ни, тем более, на парусной яхте. Впрочем, всегда что-то приходится делать в первый раз...

Вместе с артистом Русского драматического театра Иваном Мацкевичем мы прибыли в Севастополь. По замыслу Стефановского, Ивану предстояло сыграть роль основателя российского флота Петра Первого. В море он, как и я, шел первый раз в жизни.

12 октября команда из двенадцати человек погрузилась на борт яхты. Проводы были торжественными. Корреспонденты газет и телевидения брали у нас интервью. Около полудня на Графской пристани собралась большая толпа провожающих. Играл флотский оркестр, звучали напутственные речи. Был отслужен молебен.

Яхта отошла от Графской набережной и после соблюдения некоторых таможенных формальностей расправила паруса. Ветер был достаточно сильный, поэтому очень скоро Севастополь исчез за горизонтом. Путешествие началось. Нам предстояло пройти более трех тысяч морских миль (напомню, что миля равна 1,8 километра), посетить несколько стран и вернуться обратно. Кроме нас с Иваном в экипаже были опытные моряки, но даже они, кажется, тогда не представляли, какие

приключения и испытания ждут нас впереди.

В первый же день плавания море показало свой нрав. Яхту бросало так, что пройти по палубе и остаться при этом сухим было невозможно. Для нас, новичков, это было романтикой, ребята же трудились в поте лица. Сначала установили все паруса, но потом заменили их на штормовые.

Наша яхта при рождении была названа именем «Галла». Перед походом получила второе имя — «Петр Великий». Как выяснилось, она только второй раз выходила в море.

Судно имело длину около двадцати метров и несло более двухсот квадратных метров парусов. Уже через час-другой мы, новички, поняли, что здесь нужно привыкать жить по-новому. Во-первых, научиться ходить. Яхту, в отличие от больших судов, качает очень непредсказуемо, и поэтому в любой момент можно было оказаться лежащим на палубе. Или вылететь за борт. Поскольку яхту не успели доделать до конца, двери кают были не закреплены и представляли собой реальную угрозу. При качке они хлопали по самым неожиданным частям тела, особенно доставалось пальцам.

Первую ночь мы часов до двух сидели в рубке, слушая стон волн. Ветер был попутный, яхта неслась со скоростью десять-одиннадцать узлов. Паруса были раскрыты «бабочкой», а

красный фонарь на носу делал их алыми.

Когда мы спустились в каюты подремать, оказалось, что в такую погоду удержаться на кровати не легче, чем на диком мустанге. Поскольку мне досталась верхняя койка, я решил не рисковать и лег в кают-компани, предварительно закрепившись между столом и спинкой дивана. Утром выяснилось, что даже опытным морякам пришлось спать на полу. Особенно досталось ребятам, которые занимали носовую каюту. Иногда яхта становилась на дыбы, а потом проваливалась между двух валов, содрогаясь и звеня всем своим корпусом. Весь следующий день ветер не утихал, и мы, как сказал капитан Николай Зубачук, установили рекорд перехода через Черное море. Для такого класса яхт, конечно.

В этот день мы поближе познакомились друг с другом. Из двенадцати человек экспедиции шестеро непосредственно входили в состав команды. По двое днем и ночью они стояли на вахте, сменяясь через несколько часов.

Руководил экспедицией Владимир Стефановский, в свое время он служил на подводных лод-

ках. После увольнения в запас капитаном второго ранга работал главным инженером на судоремонтном заводе в Севастополе. Автор нескольких повестей.

В состав экспедиции входили также Евгений Коршунов, заместитель капитана Новороссийского порта, и Василий Голенко, бывший штурман дальнего плавания, сотрудник московского журнала «Вокруг света». Весьма колоритной фигурой был наш кок Сергей Карауш, молдаванин по национальности. Его хозяйство состояло из двух газовых плит — одна простая, другая штормовая, которая качалась на особых подвесах. В самых экстремальных условиях Сергей готовил блюда, которые бы сделали честь любому ресторану.

Все наши товарищи, кроме нас с Иваном Мацкевичем, были старыми морскими волками. Но в такой дальний поход на парусной яхте, за исключением Голенко, шли впервые. Нам предстояло провести вместе больше месяца.

Меж Европой и Азией

На следующее утро мы уже встречали восход солнца в Бос-

форе, узком и коварном проливе между Европой и Азией. С обеих сторон раскинулся огромный город Стамбул.

Если за весь переход через Черное море мы только пару раз видели на горизонте суда, то здесь движение было, как на проспекте. То и дело нас обгоняли огромные «сарай» высотой с многоэтажный дом, вдоль и поперек постоянно шмыгали небольшие рыболовные суда. Чтобы избежать происшествий, турки запретили движение по проливу под парусами. И тут мы попали в первую критическую ситуацию: как назло, остановился двигатель. А в проливе — полный штиль. Паруса опали, практически неуправляемую яхту несло по течению, как обыкновенную щепку. Встречные суда шарахались от нас. Только часа через полтора удалось запустить двигатель, и мы двинулись к морине — так называются специальные стоянки для небольших яхт. Занялись ремонтом и заготовкой провизии.

В Стамбуле попытался позвонить в редакцию — международный звонок, в принципе, можно сделать из любого улич-

ного телефона. Но ни в одном справочнике такой страны, как Беларусь, не значилось. На почте служащие только пожимали плечами.

Отплыли поздно вечером, и наутро мы уже были в Мраморном море, которое находится между проливами Босфор и Дарданеллы.

Наша яхта имела довольно слабую рацию, но время от времени, когда на траверсе появлялось встречное судно, капитан брал в руки микрофон: «Славяне есть в округе?» Иногда славяне отзывались. Но, как выяснилось, в большинстве случаев они работали на иностранных судах так называемыми наемниками. По причине экономического кризиса суда Украины и России в основном стояли на приколе. А специалистов нанимают иностранные фирмы, тем более что платить им можно в несколько раз меньше, чем своим.

Эгейское море обычно сильно штормит осенью

Несмотря на все прогнозы, погода здесь оказалась на удивление благоприятной. Особенно впечатляет это море ночью. Такого количества звезд не увидишь на наших широтах. Висят они низко и светят пронзительно ярко. А внизу за кормой — также «звезды». Тысячи микроорганизмов светятся в килевой струе, загораются на гребне волны. Кажется, яхта не плывет — летит между двух великих стихий — морской и космической. Кажется, что время остановилось. Те же волны и те же звезды сопровождали аргонавтов... С тех давних пор тысячи судов качались под звездным светом, и далеко не каждому довелось добраться до берега.

Когда сутками не видишь ничего, кроме волн, которые с размеренностью вечного маятника бьют о борт всего в нескольких сантиметрах от твоих ног, начинаешь понимать бренность человеческого бытия. Как-то трудно даже представить, что где-то

есть земная твердь, многолюдные города, шумные улицы. На маленькой яхте, несущейся в ночь под парусами, чувствуешь себя просто пылинкой в огромном и непостижимом до сих пор мире.

Ночью несущие вахту находятся в особом напряжении. Один из них стоит за штурвалом и ежесекундно корректирует курс по компасу. Другой всматривается в горизонт. Направление движения встречных судов определяется по огням. К сожалению, яхта наша не была оборудована обязательным для современного мореплавания прибором — радаром. В хорошую погоду, впрочем, можно обойтись и без него. В туман же радар — единственный гарант вашей безопасности. Хотя по международным правилам все суда должны уступать путь парусным, поскольку у них ограничена маневренность, в море, как мы могли убедиться не один раз, прав тот, кто больше по размерам.

Ветер в этот день нас не радовал. На морском жаргоне он называется «мордотык». По-научному — острый бейдевинд. А если говорить по-простому, ветер дул прямо в нос яхты. Приходилось идти галсами. Яхта накренилась под углом градусов сорок, временами черпая бортом воду.

Посвящение в матросы

К обеду ветер почти стих. «Срубил» бесполезные паруса. Мы были в самом центре Эгейского моря. Капитан вышел на палубу, зачерпнул ведром воду и макнул в нее палец. Внимательно осмотрел поверхность моря. Акул не было.

— Макнуть, — строго сказал Коля.

— Есть, — радостно ответила команда.

Что это означало, мы с Иваном Мацкевичем поняли, когда через пару секунд нас выбросили за борт. Затем, когда мы вновь оказались на палубе, нам

поднесли по стакану водки и по огурцу. Так состоялось наше посвящение в моряки. До ближайшего берега было больше сотни миль, и это придало мероприятию особый шарм.

Переодевшись, я повесил джинсы просушиться и только позже понял, какую совершил ошибку, не сполоснув их в пресной воде. Джинсы после просушки стали напоминать панцирь черепахи, настолько много соли в местной воде.

Парос

На следующий день мы прибыли на греческий остров Парос, где в XIX веке была база российского флота. Отсюда российские военные корабли отправлялись в морские сражения с турками, здесь ремонтировались и отдыхали. Тут, по нашим предположениям, должны были сохраниться могилы моряков.

Когда мы зашли в живописную бухту, открылась панорама белоснежного городка Науса.

Только причалили, как к нам на мотороллере подъехал человек в униформе и спросил, откуда мы и чем он может нам помочь. Кстати, отправляясь в путешествие, я недоумевал: как можно приплыть в другие страны без всяких виз и прочих документов? Оказалось, можно. Ни в одной стране, где мы побывали, не требовали виз, не трясали таможенники и пограничники. Нас просто спрашивали: чем помочь? В паспортах не ставили отметок нигде, за исключением Туниса, который был конечным пунктом нашего путешествия.

Приятный господин в униформе тут же укатил по своим делам, сказав, где его в случае необходимости можно найти. Уже через пятнадцать минут мы гуляли по миниатюрным улицам Наусы, по сравнению с которыми самые узкие улицы, скажем, Вильнюса напоминают проспекты. Все стены двухэтажных, редко трехэтажных домов были снежно-белыми. Улицы шириной два-три метра — девственно чисты. Оказалось, что их тут

едва ли не ежедневно моют стиральным порошком.

Из бухты небольшой канал ведет внутрь городка, где прямо у домов стоит несколько десятков рыболовецких лодок и яхт. Здесь же, на берегу — столики многочисленных кафе. В Наусе проживает всего две тысячи человек, но летом сюда съезжаются туристы со средним достатком со всего мира. В октябре, хотя еще достаточно тепло и вполне можно купаться, сезон закрывается, и городок пустеет.

Кстати, поскольку я числился в редакционной командировке, попытался отметить командировочное удостоверение. Был у полицейского, в капитанарии порта, на почте и еще в нескольких учреждениях. Битых три часа объяснял, что, поскольку судьба занесла нас на Парос, мне нужно в двух местах поставить штампы о прибытии и убытии. Чиновники крутили редакционную бумагу и подозрительно смотрели на меня. Они никак не могли понять, зачем это нужно. От такой бюрократии они уже, видимо, давно отвыкли. Один спросил, а не придет ли ему после того, как он поставит штамп и подпись, счет на несколько тысяч долларов? Другой посоветовал ехать в Афины и обратиться в посольство. До Афин было, правда, много сотен километров морем и по суше. Словом, из этой затеи ничего не вышло.

Мы отправились в соседний городок Парин, где побывали в морском порту, зашли в православный храм. Однако нигде не могли найти никаких следов пребывания российской эскадры. В конце концов все прояснилось. Дело в том, что у современных греков есть особые правила содержания кладбищ. Ровно через пятьдесят лет после последнего захоронения они сравниваются бульдозером. А полуистлевшие кости захораниваются в общей могиле на территории ближайшего храма. На освободившемся месте опять начинают хоронить. Возможно, это обусловлено нехваткой земли, возможно, другими обстоятельствами. Но факт остается фактом: русских помнят на

Паросе, но ничего от того времени, даже могил, не сохранилось.

Боги древней Эллады смеялись над нами

Когда мы купались посреди спокойного Эгейского моря, я сглазил, сказав, что боги древней Эллады оказались милостивы к нам. Уже через несколько часов после отплытия из Пароса мы поняли, что боги просто смеются над нами и проверяют нас на прочность. К вечеру начался шторм, и тут, как назло, заклинило двигатель. В кают-компании пластиковые кресла двигались по полу, как живые. Все не закрепленные на полках предметы оказались на полу.

Поменялось направление ветра. И если днем перекладка парусов была не особо трудна, ночью в шторм эта операция требовала определенной доли мужества. Дело в том, что палуба яхты огораживается специальными тросами, которые называются леерами. В спешке подготовки к походу поставили леера значительно меньшего диаметра, чем полагается по правилам безопасности. Не раз нас, новичков, предупреждали, чтобы, передвигаясь по палубе, ни в коем случае не опирались на леера: если при ударе волны всем телом налететь на слабенький трос, да еще ночью, считай, ты — корм для рыб.

Трудно тогда пришлось механику, моему однофамильцу Сергею Самойлову. Весь день и всю ночь он просидел в машинном отделении, пытаясь отремонтировать двигатель. В конце концов выяснилось, что волной захлестнуло выхлопную трубу и страшный гидроудар погнул один из шатунов. Запасного не оказалось. Встречный ветер заставлял идти галсами, и в этих условиях наше прибытие к назначенному сроку в Бизерту становилось проблематичным.

Мы огибали нижнюю оконечность греческого архипелага. Казалось, что некогда кто-то двинул сгоряча по этому, как го-

варивал Черчилль, «подбрюшью Европы» кулаком так, что посыпались осколки, которые стали островами. Сотни их, скалистых и безлесых, разбросаны на стыке трех морей — Эгейского, Ионического и Средиземного. Ночью в шторм только по мерцающим огням маяков можно определить, где кончается суша и начинается море.

Вся надежда была на Самойлова, и он ее оправдал. Достав погнутый гидроударом шатун цилиндра, он два дня занимался тем, что разогревал его на газовой плите, выносил на палубу и молотком выравнивал. Эту операцию он повторил, наверное, с сотню раз. Просто не верилось, что в таких условиях можно что-то сделать, но Сергей оказался стойким парнем и отличным механиком. На него было страшно смотреть. Он стал черным и валился с ног от усталости.

Впрочем, и в этих, мягко говоря, непростых условиях никто не унывал. Как всегда, шутили по любому поводу. Утром Борис Олифер сменил Славу Мунипова у штурвала. «Как прошла вахта? Спутники видел?» Имелось в виду, ловил ли сигналы спутников «GpS». «Да за ночь четыре штуки упало в море», — невозмутимо отвечал боцман.

Навстречу шло большое судно. Борис Олифер (фамилия у него от предков-шведов) схватил бинокль.

— Да что, ты и так не видишь? Это же наши, — говорит помощник капитана Анатолий Кауров.

— С чего ты взял?

— Только у наших может быть покрашено полборта, а на вторую половину краски не хватило.

«А он, мятежный, просит бури...»

Кстати, как потом выяснилось, наш двигатель в свое время сняли с яхты, которая разбилась о камни во время шторма. Несколько лет он пролежал у

кого-то в сарае. Наверное, с таким двигателем и можно ходить, но только вдоль прибрежной полосы, а никак не через пять морей. Государство, которое затратило огромные средства на помпезное празднование трехсотлетия флота, нашей экспедиции практически ничем не помогло. Яхту предоставил ее владелец из Днепропетровска Анатолий Шевченко, деньгами помог Новороссийский порт. А в основном все легло на плечи организатора Владимира Стефановского и Морское собрание Севастополя, которое он возглавляет. Так что экономить приходилось буквально на всем, даже на безопасности плавания. Впрочем, для отчаянных славянских мужиков все едино, лишь бы из дома сбежать...

После некоторых сомнений все же решили зайти в Наварин. Нужно было заправиться. Отправляться через Средиземное море в Африку без запасов пресной воды было бы неоправданной авантюрой. На всех современных судах есть опреснители, мы же, конечно, не могли позволить себе такую роскошь.

Чего только не происходит в море! В тот день мы услышали орудийные выстрелы, и на горизонте показались военные корабли. Похоже, влетели в район каких-то военно-морских учений. Возможно, об этом было предупреждение в прессе и по радио. Но мы в море, к сожалению, прессы не получали, а ни по-турецки, ни по-гречески не понимали. Правда, все обошлось — нас не потопили. Видимо, мы не слишком походили на военную мишень.

Наварин

Вечером, когда солнце садилось за фантастические каменные столбы, которые стояли в море, через узкий проход мы вошли в бухту Наварин. На рейде маленького городка Пилос, который также раньше назывался Наварин, стоял огромный военный корабль. Поскольку я

снимал берег видеокамерой и максимально приблизил изображение, я первым увидел на корме Андреевский флаг. Россияне!

Ребята меня подняли на смех: откуда? Оказалось, что это действительно был российский тральщик «Железняков», который прибыл сюда для участия в праздновании юбилея знаменитой Наваринской битвы. Это мероприятие состоялось буквально за несколько дней до нашего появления. В нем принимали участие английский и французский корабли и, конечно, греки.

По этому поводу на корме самого, кстати, большого тральщика в мире вечером состоялся фуршет, который давал мэр города и капитан тральщика Сергей Падалко. После того, что мы испытали за последние дни, это мероприятие напоминало чудный сон. Что называется, с корабля на бал. Возле трапа была установлена старинная пушка, которая стреляла время от времени. Палуба украшена праздничными огнями. Кошмар штормовых ночей стал представляться игрой воображения.

Здесь же мы познакомились с членами российской научной экспедиции. Оказывается, неподалеку от бухты находится самая глубокая в этих местах морская впа-

дина. Ученые нескольких стран, объединив усилия, решили установить на глубине около пяти тысяч метров своеобразный телескоп, который предназначен для регистрации таинственного космического излучения — нейтрино. Огромные ажурные конструкции этого телескопа уже лежали на пирсе.

Ивану Мацкевичу опять пришлось переодеться Петром, что вызвало большой интерес присутствовавших. Особенно поразил Иван-Петр матросов. Когда мы проходили по палубе, они становились по стойке смирно и отдавали честь...

Всего сутки мы стояли в Наваринской бухте. Нужно было торопиться в Бизерту. Однако уже без руководителя нашего похода Владимира Стефановского. И это было действительно печально. Несколько лет он готовил эту экспедицию, считая ее главным делом своей жизни. Но события последних дней подорвали его здоровье. Сдало сердце. Местный врач посоветовал отказаться от дальнейшего плавания и вернуться в Севастополь. Командир тральщика предложил взять его на борт.

Стефановский пожал нам руки и пожелал довести до конца его дело. Когда мы отходили, тральщик дал несколько длинных гудков. На его палубе стоя-

ли офицеры и отдавали нам честь. Накануне они говорили, что по-мужски завидуют нам.

Мы переплыли на другой берег бухты, где находилась могила наших моряков. Возложили венки и помянули их души. Здесь же была маленькая часовня, которую поставили благодарные греки и до сих пор поддерживают ее в идеальном порядке.

Уже в полной темноте мы покинули Наваринскую бухту.

Теперь совсем не оставалось времени, чтобы куда-то заходить. На экране «GPS» было написано: «Bizerta».

Бизерта

На шестнадцатый день плавания рано утром мы прибыли на рейд Бизертской бухты. Прежде чем войти в порт, команда сделала генеральную уборку. Побрившись и подняв вымпел, мы двинулись к причалу.

Тунис оказался единственной страной, где нужно было ставить визы в паспортах. Процедура эта заняла совсем немного времени и никаких неудобств не принесла. По-настоящему мы поняли, что такое бюрократия, когда вернулись обратно в Севастополь.

Местный же таможенник, увидев видеокассеты, на которые я снимал поход, попросил показать любой отрывок записи. Дело в том, что Тунис — достаточно специфическая страна, тут серьезно борются с порнографией и спиртными напитками. Убедившись, что записей с женщинами у нас нет, таможенник сразу приступил к оформлению портовых бумаг.

Разговаривать с ним пришлось мне. Наверное, со стороны это выглядело весьма забавно. Чиновник знал английский еще меньше, чем я. А я совсем не знал морских терминов. Поэтому мы часто прибегали к интернациональному языку жестов. В целом неплохо разобрались со всеми графами какого-то документа, но застряли на одной. Чи-

новник никак не мог понять, почему яхта, которая прошла пять морей из Севастополя, не застрахована. Такого не бывает, сказал он.

Пришлось переключить его внимание на цель нашего похода. Я кратко рассказал ему о революции и о том, что в 1920 году из Крыма в Бизерту пришла российская эскадра. А 29 октября 1924 года именно в его родном городе был в последний раз спущен Андреевский флаг. Я сказал ему, что сегодня 28 октября, и, чтобы успеть вовремя, мы должны быстрее покончить с формальностями. Что мы и сделали к обоюдному удовольствию.

Таможенник между прочим спросил, нельзя ли купить у нас бутылочку. Мы ответили, что плывем уже шестнадцать дней, поэтому водка никак не могла сохраниться, но у нас есть прекрасное крымское вино. Капитан полез в закрома и достал бутылку мадеры.

Словом, мы остались довольны друг другом. Но когда собрались было выйти в город, явился еще один человек в форме. Он оказался карабинером, на этот раз мы гораздо быстрее разобрались с точно такой же анкетой, и вопрос о напитках как бы встал сам собой.

Не успели проводить гостя, как пришли еще двое весьма вежливых людей в форме и сообщили, что наши паспорта скоро будут готовы. А пока, чтобы мы не испытывали неудобств, они принесли нам временные пропуска. Они сказали, что впервые российская парусная яхта пришла к ним в порт и что лет через десять мы будем жить лучше американцев. Разговор о напитках возник сам собой, и мы уже действовали по старой схеме.

С чувством исполненного долга сошли на берег. Я был вооружен видеокамерой и фотоаппаратами. Но уже после нескольких кадров почувствовал, что на меня посматривают как-то косо. Только назавтра выяснилось, что в городе снимать нельзя без специального разрешения. А чтобы получить его,

нужно ехать в столицу за шестьдесят километров. И разрешение после подачи прошения выдавалось примерно на десятый день. У нас такого запаса времени не было, поэтому приходилось прибегать к приему «скрытой» камеры, только важно было не попасться на глаза полицейскому.

Андреевский флаг поднят

От смешного до великого — шаг. Мы приплыли в Бизерту через пять морей, конечно, не для того, чтобы наблюдать местный быт. Мы прибыли, чтобы поклониться памяти тех людей, которые волей судеб оказались вдали от Родины. Они, конечно, не были врагами страны и народа, как нам говорили долгие годы. Они были патриотами и героями, как, впрочем, и те, кто победил их в той кровавой бойне, которая называлась гражданской войной. Так случалось не раз в переломные моменты истории. Но это, тем не менее, никогда ничему не учило человечество. Разное понимание патриотизма всегда сталкивало и, наверное, еще долго будет сталкивать людей. Причем, чем бескомпромиссней и фанатичней они понимают это слово, тем страшнее столкновения. Примеров тому не счесть и в современном мире...

29 октября 1996 года мы, взяв с собой венки, привезенный из Севастополя, направились к православной церкви Александра Невского, построенной в Бизерте в честь российских моряков. Маленькая, но старательно ухоженная, она потрясала каким-то невидимым, но ощущаемым сиянием. Сикон на нас смотрели лики святых, а вокруг, казалось, витали души моряков, которые — мы в этом не сомневались — не ушли в небытие.

Отец Дмитрий (он живет в Тунисе с матушкой уже несколько лет) отслужил по ним и по всем погибшим в море моле-

бен. Кроме команды нашей яхты на нем присутствовали Анастасия Александровна Ширинская, дочь командира одного из кораблей, прибывших в Бизерту в 1920 году, Вера Робертовна Верен, внучка военного коменданта Кронштадта, убитого восставшими моряками (она специально прилетела из США) и военный атташе Российского посольства — кстати, наш земляк, родом из Витебска.

Отец Дмитрий освятил привезенный нами Андреевский флаг. И через несколько часов, вернувшись на пристань, мы торжественно подняли его на мачте яхты. Иван Мацкевич (Петр Первый) прочел небольшую речь, а Евгений Коршунов вручил юбилейные памятные знаки «Бизерские кресты».

Наши гости по очереди спустились в кают-компанию, которая, понятно, всех сразу вместить не могла, заглянули в рубку. А отец Дмитрий признался, что, хотя закончил Одесскую семинарию, в душе он моряк. И очень непосредственно продемонстрировал это, расстегнув верхние пуговицы рясы. Под ней священник носил... тельняшку. Кстати, его брат Андрей Нецветаев служит в минском Кафедральном соборе.

В этот же день мы посетили местное кладбище, где похоронены российские матросы, офицеры и адмиралы. Возложили венок на братской могиле. Честно говоря, грустное осталось впечатление. Русские могилы не ухожены, заросли бурьяном. Не в лучшем состоянии, впрочем, и другие захоронения. Склепы разграблены. Прямо на земле валялись кости и черепа. Конечно, все можно списать на времена и нравы, но в том же Тунисе, где, к слову, проходили жестокие бои с гитлеровцами, находится военное американское кладбище. Оно в идеальном состоянии...

Из шести тысяч человек, которые тогда приплыли в Бизерту, остался один-единственный свидетель — Анастасия Александровна Ширинская. Ей в год

нашей встречи было восемьдесят шесть. Судьба ее удивительна. Вместе с отцом, командиром военного корабля, и матерью она восьмилетней девочкой прибыла в Бизерту. И с тех пор здесь. В двенадцать присутствовала при последнем спуске Андреевского флага. До этого четыре года жила вместе с другими семьями военных моряков на корабле «Георгий Победоносец».

— Жили бедно, но, как ни странно, счастливо, — рассказывала Анастасия Александровна. — Для нас корабль был домом родным, и никаких неудобств мы, дети, не испытывали. Тут была школа, где преподавали офицеры и даже адмиралы, поэтому образование мы получили отменное. Тут же, в одной из кают, была церковь. На остальных кораблях все эти годы шла обычная морская служба. Все свято верили, что рано или поздно мы вернемся в Россию...

Она помнит, как вечером 29 октября 1924 года в последний раз на всех кораблях спускали флаги. Это произошло после признания Францией СССР. Анастасия видела, как плакал старый боцман, рядом совсем молоденький гардемарин утирал слезы... Как жили потом? Корабли перешли в собственность Франции, часть из них продали на металлолом.

Отец Анастасии устроился дорожным мастером, мать пошла в прислуги. Потом шила на дому для соседей. Французы — а Тунис был их колонией — в ультимативной форме требовали, чтобы эмигранты приняли французское подданство. Иначе запрещалось занимать любые посты на государственной службе.

Но отец свято верил, что вернется на Родину, а принятие чужого подданства считал изменой, и он потерял свою службу. Подросшей Анастасии вполне хватало «корабельного» образования, чтобы работать в школе, но по той же причине отсутствия гражданства

она могла давать только частные уроки.

Те, у кого были родственники за границей, постарались уехать. У кого были хоть небольшие деньги, перебрались в Европу. Некоторые моряки женились на местных женщинах.

Словом, если раньше они все жили одной судьбой и одной идеей возвращения на Родину — после того, как был спущен флаг, опальные россияне пожалы друг другу руки и сошли на берег. У каждого оказалась своя дорога.

— Знаете, в чем разница между старой и новой эмиграцией? — говорит Анастасия Александровна. — Мы против своей воли покинули Родину, которую любили. Нынче по своей воле покидают страну, которую не любят.

— Почему бы вам сейчас не поехать в Россию, хотя бы на время?

— У меня до сих пор паспорт беженки. По местным законам мне разрешается ехать куда угодно, только не в Россию. Правда, была там уже два раза — здешние власти закрыли на это глаза.

После того как в 1956 году Тунис получил независимость, Анастасии Александровне разрешили работать в лицее. Все годы до выхода на пенсию она была учительницей, преподавала многие предметы — от французского до военного дела.

— Теперь мне легко жить, — смеется старушка. — Три четверти жителей Бизерты — мои ученики. Но если бы мне было сейчас двадцать лет, я бы вернулась...

На следующий день нас пригласили в Российское общество дружбы и культурных связей в Тунисе — мы выступили перед сотрудниками посольства и других организаций, рассказали о походе. На этом наша миссия была закончена. В тот же день, подняв паруса, мы двинулись в обратную дорогу.